

Мертвый мир. Поселенец

Автор:

[Кирилл Шарапов](#)

Мертвый мир. Поселенец

Кирилл Юрьевич Шарапов

Мертвый мир #1

Могущественные цивилизации обратились в пыль, оставив после себя с десяток древних памятников и неясные записи. Так и мы когда-нибудь канем в небытие, и мародёры, гордо зовущие себя «археологами», будут бродить по разрушающимся городам, заросшим травой и деревьями. А может, и не будут, поскольку бродить по ядерной помойке даже в костюмах с наивысшей защитой нецелесообразно. Но человечество ищет новые горизонты. Отчаянные одиночки совершают прорывы, пытаются приоткрыть дверь для миллионов. Так изобрели Интернет: делали для себя, а вышло – для всех. Так появились самолёт и электричество. И именно так один физик открыл проход в другой мир...

Нет никакой вероятности, что всё сущее будет существовать вечно.

Могущественные цивилизации обратились в пыль, оставив после себя с десяток древних памятников и неясные записи. Так и мы когда-нибудь канем в небытие, и мародёры, гордо зовущие себя археологами, будут бродить по разрушающимся городам, заросшим травой и деревьями. А может, и не будут, поскольку бродить по ядерной помойке даже в костюмах с наивысшей защитой нецелесообразно. Но человечество ищет новые горизонты. Отчаянные одиночки совершают прорывы, пытаются приоткрыть дверь для миллионов. Так изобрели Интернет: делали для себя, а вышло – для всех. Так появились самолёт и электричество. И именно так один физик открыл проход в другой мир...

Глава первая

Разведчик

– Что там, Валера?

– Я не знаю, – растерянно поправляя роговые очки, ответил щуплый, невысокого роста мужчина с внешностью «ботаника». – Это – «дверь», точно, но, куда она ведёт, и что там тебя ждёт... даже не представляю.

Мужчина, стоявший напротив небольшой энергетической арки, скривился. «Пойди туда, не знаю куда». Напряжение ещё не подали. Да, затраты на этот канал были гигантские: для того чтобы «дверь» (или врата, как это называлось в официальных документах) работала один час, требуется столько же энергии, сколько на освещение Москвы в течение десяти часов.

– Мы туда забросили небольшой исследовательский дроид, видеосигнал устойчивый, но многого снять не смогли. Знаем, что атмосфера пригодна для дыхания и врата открываются в лесу. А потом дрон атаковало что-то стремительное, и сигнал был потерян.

Вилен Ульянов, которого из-за имени и фамилии все звали просто – Ильич, поморщился. Всё как обычно. Дали автомат и отправили вперед, ничего толком не объяснив. Иди и сдохни. Вилен поправил свисающий с плеча новенький, только что из смазки АЕК-973С под калибр 7,62. При первоначальной разработке оружия сделали стандартный магазин на тридцать патронов, но потом подумали и добавили ещё пару вариантов на сорок пять, и, совсем уж для извращенцев – на заказ изготавливались семидесятизарядные «банки». Вилен оказался именно таким извращенцем. Одна «банка» в автомате и четыре в специальной разгрузке. АЕК был собран по очень популярной ныне схеме сбалансированной автоматики, что давало минимальную отдачу, великолепную кучность, возможность установки оптики и подствольного гранатомёта, которые пока лежали в рюкзаке. Сейчас на оружии стоял коллиматорный прицел. В рюкзаке, помимо снаряги к автомату, были аккуратно уложены моток веревки, два литра воды, аптечка, маленькая сапёрная лопатка, три суточных рациона, мачете и

охотничий нож. Вот и весь набор исследователя Нового Мира.

– Ну что, Вилен, готов? – спросил «ботан».

Вилен отрицательно покачал головой.

– Тогда начали, – улыбнулся Валера и громко крикнул: – Ваня, давай!

По контурам «двери» прошла небольшая вибрация, и всё медленно затянуло плёнкой, очень похожей на ту, что бывает, когда надувают мыльные пузыри. Она переливалась всеми цветами радуги, притягивая взгляд.

– Пошёл, – заорал на Вилену Рябов, – или тебе пинка наладить для ускорения?

Вилен шагнул вперёд, дыхание на мгновение спёрло, сердце замерло, пропустив пару ударов, секунда и... Нет никакой лаборатории. Обычный лес, высокая трава, гигантские сосны и кедры.

Рефлекс сработал сам по себе: Вилен вскинул автомат, лязгнув затвор, досылая патрон. Чутьё солдата подсказывало, что вокруг ничего опасного нет, вот только это чутьё было настроено на обычный мир и на обычную войну с обычным противником.

Вилен несколько минут вслушивался в тишину леса. Тот жил своей жизнью, где-то в вышине пели птицы, в траве стрекотала какая-то насекомая мелочь.

Ильич отцепил от пояса небольшой штырь с конусом на конце и с силой воткнул его в землю. Внешне это устройство здорово напоминало китайскую петарду, вот только стоило оно как вагон петард, а то и – как эшелон. Якорь возвращения – то, без чего он никогда не вернётся домой. Якорь несколько раз моргнул светодиодом, сообщая, что включился и работает, и «уснул» до того момента, как откроются врата.

Вилен достал планшет и сверился с системой поиска. Отметил первую точку. Огляделся ещё раз. Он стоял на краю слегка вытянутой поляны, окружённой густым лесом. Оставалось только определиться, куда идти. Вилен вспомнил старый анекдот:

«– Слоны идут на север.

– Слоны идут на х*р, а ваш Штирлиц живёт этажом выше!»

И решил выдвигаться на север. Лес напоминал тайгу, хотя таковой и не являлся, сосны соседствовали с рябинами, дубами, осинами, кедрами, лиственницами и ещё десятком видов деревьев, которые Ильич просто не смог опознать. Сплошная растительная «каша», словом. Да и ладно. Маленькая камера-пуговица, вделанная в камуфляж на левом плече, исправно зафиксирует всё, пусть у Валеры потом голова пухнет.

Но, прежде чем двигаться в выбранном направлении, необходимо было сделать одну вещь. Вилен прошёл пятьдесят метров и нашёл то, что искал: небольшой дроид, что-то вроде маленького спутника, размером с баскетбольный мяч. Детали дроида оказались разбросанными на площади метра в два, следов вокруг было немного, и все они принадлежали крупному хищнику. Вот только следопытом Ильич оказался посредственным, и определить вид напавшего на дроеид зверя он не смог. Впрочем, эти дроиды были довольно хрупкими. Вилен своими глазами видел, как в небольшой комнатке проводили испытания. Прототип из-за отказа управления врезался в стену на скорости пешехода и просто развалился на части. Так что ничего удивительного в гибели этого дроида разведчик не видел. Если его атаковало существо с приличным весом, то могло развалить такой хрупкий агрегат одним ударом. Ильич вынул из считывающего устройства противоударный жёсткий диск, «самую крепкую часть дроида», как шутил их создатель, и убрал в рюкзак. Оглядевшись и ничего опасного не обнаружив, Вилен перехватил поудобней автомат и бодро зашагал в избранном направлении.

Правый глаз зафиксировал движение, и разведчик быстро вскинул к плечу автомат, готовый выстрелить в любую секунду. «Хорошо, левый даже зажмуривать не надо», – подумал про себя Ильич. Дело в том, что вместо левого глаза у него был протез. Глаз он потерял десять лет назад, когда пуля снайпера срикошетила от асфальта. Вилену ещё повезло, на той грёбаной улице он тогда оставил половину отделения. Вообще, в этой чертовой Чечне всё было через задницу. Вместо приказа «вперед» – приказ «стой», и наоборот. Вот и гибли молодые пацаны. А сколько из них культами асфальт подметают, никто и не считал... Для политиков боевые потери – это обычные цифры. Просто цифры, за каждой из которых – оборванная или искалеченная жизнь...

Вилен облегчено выпустил воздух, угрозы не было, просто какой-то небольшой зверёк качнул ветку, перескакивая на соседнее дерево. Он был здорово похож на белку – рыжеватый мех, вот только хвост... Вилен не сразу понял, что зверёк не только лапами уцепился за кору, гибкий хвост обвился вокруг толстой ветки, да и зубки у него были не хилыми. Саблезубую белку из мультфильма «Ледниковый период» – вот кого напоминал невиданный зверь. Вилен опустил ствол и медленно пошёл дальше. А что, если здесь только лес, и ничего больше?

Глянув вверх, Ильич отметил солнце, стоящее в зените. «Как странно, – подумал он, – я в пути около часа и стартовал ровно в одиннадцать утра. Выходит, что полдень здесь и полдень „там“ – в одно и то же время? Похоже, так», – ответил Вилен сам себе и зашагал дальше.

Жизнь Ильича складывалась очень непросто. Вернувшись в двухтысячном с войны, старший сержант Вилен Ульянов начал пить. Пить по-чёрному. Докатился до того, что продал дедовские ордена. Дед, крепкий старик, разменявший восьмой десяток, осерчал и набил внуку морду. Набил страшно, сломал челюсть – в общем, отделал сержанта, командовавшего разведвзводом, как щенка. По уставу взводом должен был командовать офицер, лейтенант, но «пиджак», который неведомо как оказался на этой должности, был самой настоящей тряпкой. Сам он ничего не мог, авторитета у подчиненных не имел, был тих и вежлив, а потому посылаем всеми, кому было не лень. К тому же вскоре летёха начал крепко бухать. На той войне пили многие, почти все, но – пили аккуратно. Тех, кто не знал меры, учили свои же, поскольку пьяный с оружием был опасней врага. Не надо считать, что на войне пьют от безысходности. Это правда, но – далеко не вся правда. Водка является отличным дезинфектором, а уж сколько дерьма солдатам и офицерам приходится сожрать благодаря государству, для которого каждый из них был просто «боевой единицей», легко заменимой, а потому не сильно дорогой... В общем, спиртное являлось просто лекарством, и психологическим – в том числе.

Поэтому «пиджака» заперли подальше, отобрали оружие и оставили в покое, а командир бригады, плюнув на субординацию, поставил на взвод молодого и перспективного сержанта, который и дело знал, и авторитет имел. Так Вилен стал офицером, не имея звезд. Видать, наследственное это. Все мужчины в семье Вилена были военными. Отец погиб в Афгане, вскоре после рождения сына, прадед был генералом на государственной службе, а дед – подполковником СМЕРШ, ловил в Отечественную диверсантов. Именно он, профессионально, со всем тщанием ветерана СМЕРШ, отделав внука, и открыл тому простую истину:

либо ты живёшь, как человек, либо – подыхаешь, как животное.

С того вечера Вилен к спиртному больше не прикасался. Когда зажила челюсть, побрился, подстригся, купил приличную одежду и пошёл искать работу. Это его едва не сломало. Оказалось, что никому не нужен одноглазый ветеран войны, о которой и вспоминать уже стало неловко. Вилена боялись, от него шарахались, как от убогого. Звали в милицию, но тут уже сам Вилен отказался. Проверять документы у «гостей», собирать пьяных по улицам и ездить на «бытовуху» – нет, это было не для него.

В итоге он перебрался в Москву и устроился охранником на небольшое частное производство. К счастью, проработал он там недолго. Не успел снова запить с тоски – повезло, его подобрал бывший одноклассник, с которым Вилен столкнулся в метро. Так Ильич оказался на должности охранника в НИИ экспериментальной физики. И вот уже почти пять лет числился начальником охраны.

И что теперь? А теперь – он у чёрта на рогах! То ли на другой планете, то ли в будущем... или вообще в параллельном мире. В принципе, без разницы, просто теперь он был очень далеко от Москвы. Погода прекрасная, небо голубое, судя по листве и траве, конец июня – начало июля. Всё зашибись, вот только... что-то вокруг не так.

Вилен замер, автомат снова смотрит стволом в ближайшие кусты. Там явно кто-то был, и уж точно – не белка.

Очень медленно раздвинулись ветки, и навстречу, мягко ступая по хвойному ковру, вышел Кот. Именно Кот с большой буквы. Вроде бы обычный, домашний, гладкошёрстный, вот только размером он был с матёрого волкодава и весил килограммов семьдесят.

На мгновение Вилен оцепенел, встретившись взглядом со зверем. Это вам не милая домашняя животинка – реальный хищник, на лапах выпущены пятисантиметровые когти, два клыка с указательный палец толщиной и примерно такой же длины. Кот тем временем плавно пошёл по кругу, огибая человека по самому краю и без того небольшой поляны.

Ильич медленно поворачивался следом, стараясь не разорвать зрительный контакт. Палец сам отщёлкнул переводчик огня на длинную очередь, но Кот так и не напал. Совершив полный круг, несколько мгновений зверь смотрел на человека, после чего одним гибким прыжком исчез в зарослях. Вилен ещё какое-то время наблюдал за кустами, пока ветки на них не перестали качаться.

– Блин, если здесь котики такие, то какие же тогда собачки? – громко и вслух сказал Вилен, отгоняя запоздалый страх. – А уж корову я и представить боюсь.

Как ни странно, звук собственного голоса снял напряжение. Но справиться с мощным выбросом адреналина не удалось. Вилен достал сигарету и закурил. Хотя и опасался, что запах дыма привлечёт сюда ещё каких-нибудь хищников. Только не настолько мирных. Но обошлось. Вилен сидел, прислонившись спиной к большому раскидистому дубу, который явно уже разменял сотню лет, а то и больше. Теперь под его кроной можно было укрыть от дождя дачный домик средних размеров. Часы на запястье показывали половину второго по времени родного мира. Здесь, судя по солнцу, было примерно столько же.

– Пора идти, – приказал он сам себе и поднялся на ноги, – ещё час шагаю, потом обед.

Вилен часто разговаривал сам с собой. Привычка опасная в некоторых ситуациях, но избавиться от неё не представлялось реальным. Приобретена она была во время войны. Так сложились обстоятельства. Тогда Ильич почти четверо суток просидел в подвале одного разрушенного дома в компании нескольких убитых бойцов. Выбраться не было никакой возможности. Дом, в подвале которого он прятался, оказался в окружении боевиков, прямо посреди их укрепрайона. Четыре дня разговоров с самим собой. Боевиков вышибли, Ильича отправили в госпиталь с контузией.

Контузию вылечили, а привычка осталась.

– Ещё сотня метров, и нужно обедать, – решил Вилен.

Лес редел, почти не встречались громадные деревья, больше стало кустов. Иногда под ногами чавкала вода. Местность вокруг была довольно болотистая.

Выбрав самый сухой участок, Ильич устроился на привал. Вскрыл рацион для лётчиков, съел галеты с фаршем, разогретым на сухом горючем, запил водой из фляги. Отломил кусочек шоколадки. Да, эти сухпаи намного лучше тех, что им приходилось жрать в Чечне. На тушёнку с серыми макаронами, или, как солдаты их называли, шланги с мусором, он до сих пор без рвотного рефлекса смотреть не мог. То же, что находилось в зелёной пластиковой коробке, было, как минимум, вкусным. Выкурив сигарету, Ильич закопал отходы и, наметив направление, взял прежний темп. За три с половиной часа он отмахал ещё километров десять. Точнее мог бы сказать навигатор, но лезть в рюкзак за ним не хотелось. Прибор – новейшая армейская разработка, не навигатор в прямом смысле этого слова, а скорее шагомер – был связан с пуговицей-камерой, которая сканировала местность и отправляла данные на флеш-карту, где хитрая программа, в свою очередь, прилежно фиксировала маршрут, попутно составляя карту. В отсутствии орбитальных спутников – незаменимая вещь. В продвижении вперёд прибор помочь не мог, а вот вернуться назад – мог, и даже очень.

Неожиданно лес закончился. Вилен замер, глядя на открытое пространство шириной не более двадцати метров, густо заросшее травой. Деревья остались позади, последнее время он пробирался по густому, заболоченному низкорослому осиннику. То, что перед ним железнодорожная насыпь, сомнения не вызывало. Да, она поросла травой и кустарником, но... ничем иным этот явно искусственный вал просто не мог быть. Вилен оказался прав, ржавые рельсы нашлись через минуту. Именно столько ему понадобилось, чтобы подняться наверх. Бывший разведчик посмотрел налево, затем направо, словно переходил дорогу. Теперь снова нужно было выбирать направление движения. И на этот раз очень важно не ошибиться. Ильич сильно надеялся, что он сейчас стоит не на Транссибе, где можно было идти днями и так и не дойти до станции.

Как и любой среднестатистический мужик, Вилен пошёл налево. По насыпи шагать было гораздо приятней, чем по лесу. Хоть и не тайга, где двигаться по прямой в принципе нереально, но всё равно по лесу получалось двигаться намного медленней, чем по нормальной дороге.

За следующие три часа пути Ильич понял только одно – людей здесь не было очень давно.

Первая находка ожидала его примерно через одиннадцать километров. На путях стоял целый поезд. Вернее, не совсем целый... Товарняк явно простоял здесь очень долго. Судя по тому как проржавел металл, с момента его последней

остановки прошло не менее двадцати лет. А то и больше. И встал здесь поезд не случайно. Кто-то сначала подорвал пути, а затем разграбил эшелон. Вилен заглянул в один из вагонов. Пусто. То, что состав шёл не порожняком, не вызывало никаких сомнений. Там, где когда-то были замки, зияли большие дыры, обрамлённые пулевыми отверстиями.

Возле одной из таких дыр Вилен остановился и пошарил в траве. Пять минут хватило, чтобы подтвердить его догадку. На ладони лежала насквозь проржавевшая гильза калибра 7,62. Выглядела она так, словно кто-то из следопытов выкопал её на поле брани Второй мировой. Вот только в родном мире Ильича с момента окончания той войны прошло уже более шестидесяти лет. Получалось, что этому «месту преступления» было примерно столько же лет? Однако...

Вилен озадаченно покрутил головой.

– Интересно, – он снова начал рассуждать вслух, – когда гильза лежит в земле и на открытом воздухе, есть ли разница в уровне коррозии?

Впрочем, ответа он всё равно не знал. Положив гильзу в карман, Ильич двинулся дальше. Обойдя состав по кругу, вернулся к локомотиву. Наиболее странным было даже не то, что кто-то много лет назад подорвал поезд, а сам локомотив. Это был старый паровоз, из тех, что приводили в движение с помощью парового котла, закидывая в давно уже остывшую топку дрова и уголь. Вагонетка с дровами была подцеплена следом за локомотивом. При этом вагоны выглядели довольно современными, во всяком случае, такие Вилен часто видел на привычной ему железной дороге в родном мире. А паровоз – словно из кинохроники времён Второй мировой.

В остальном картина происшествия была ясной как божий день. Когда состав остановился, успев затормозить буквально в нескольких метрах от развороченных взрывом рельс, произошла быстрая огневая стычка. Вся кабина машиниста напоминала решето, а весь пол усыпан гильзами – не меньше двух магазинов. Следовательно, поездная бригада без боя не сдалась, и по нападавшим тоже стреляли. Останки машиниста лежали у дальней стены кабины. Выбеленные временем кости, обтянутые железнодорожной формой. Вернее, частью формы. Полусгнивший китель, прошитый на груди очередью, а вот штаны и ботинки отсутствовали. Помощника машиниста, который, предположительно, должен был входить в состав бригады, видно нигде не было.

Вилен несколько минут размышлял над этой загадкой. Что же такое должно было произойти в стране, чтобы кто-то не поленился снять штаны и ботинки с трупа? Ответа не было. Равно как не было и ответа на другой вопрос: куда смотрела власть, когда неизвестные мародёры вот так запросто подрывали пути и захватывали состав? Ведь поезд – это не микроавтобус, его исчезновение не спрячешь. Если уж ты посылаешь железнодорожный состав в зону боевых действий, то будь добр, организуй охранение.

Тут парня осенила внезапная догадка. Выскочив из локомотива, он взобрался на обычную грузовую платформу, прицепленную следом за тендером. Точно, здесь охранение и было. Как минимум – один тяжёлый станковый пулемёт и несколько автоматчиков, которые ехали в деревянной будке. Всё дно платформы было усеяно гильзами, как от легкого стрелкового, так и от тяжёлых пулемётов. Да, точно, пулемётов было два: один калибра 12,7 и второй – 14,5, типа КПВ.

Под трухлявыми досками он обнаружил несколько трупов защитников поезда. Форма была разорвана в клочья. Все кости носили на себе следы зубов, видимо на них откармливалось местное зверьё. Рядом с одним из тел блеснуло что-то серебристое. Вилен присел и поднял кокарду. Стерев с нее грязь, разглядел увенчанного короной двуглавого орла с распростертыми крыльями, держащего в правой лапе скипетр, а в левой державу. На груди орла – щит с тёмно-зеленой каймой, на чёрном поле которого было изображено летящее колесо на фоне перекрещенных якорей, железнодорожного молотка и топора. Всё было понятно без объяснений – здесь бились ребята из железнодорожных войск РФ. Вот только основного вопроса это не снимало: где же находился в данный момент Ильич? Что это – параллельный мир? Наше собственное будущее? Или – то самое место, «куда Макар телят не гонял»?

Вилен несколько минут постоял, анализируя полученную информацию, затем пожал плечами и засунул кокарду в карман, где уже лежала ржавая гильза. К сожалению, никаких документов, которые могли бы пролить свет на то, что здесь произошло, он не нашёл. Но, как сказал вождь мирового пролетариата, имя которого и носил Ильич (Вилен – аббревиатура «Владимир Ильич Ленин», у деда, когда-то так назвавшего внука, было своеобразное чувство юмора): «Верной дорогой идёте, товарищи».

Вилен явно шёл верной дорогой. Вот только, сколько же ещё по этой дороге придётся идти? Ильич глянул на часы. Семнадцать с копейками. Самое время

для пятичасового чая, решил бы любой англичанин. Нужно было решать: идти дальше или же остаться здесь? Дилемма была та ещё. Если идти, то – до темноты, которая, по расчетам Вилена, окончательно накроет этот мир часам к десяти вечера. То есть в запасе целых пять часов полезного времени. Однако, если он до вечера не найдёт крыши над головой, ночевать придётся в лесу, где гуляют «котики» под центнер весом.

Валера говорил, что будет активировать врата ежедневно, в шесть вечера, в течение пяти дней. Если же до конца этого срока Вилен не вернётся... скорее всего, его просто признают погибшим. Включение канала даже на несколько минут стоило бешеных денег, Валера и так сильно рисковал, активируя его каждый день. Эксперимент уже унёс миллионы рублей, и начальство начинало тихо звереть при одном упоминании Валеркиной фамилии.

С другой стороны – припасов у Вилена навалом, а вот собранной информации – кот наплакал. Пока возвращаться было не с чем. Надо продолжать движение, чем дальше зайдёшь, тем больше шансов найти что-нибудь действительно стоящее.

– Значит, смело прём вперёд, навстречу заходящему солнцу, – решил, наконец, Вилен и спрыгнул на железнодорожную насыпь.

Уже через три часа парень пожалел, что не остался ночевать в локомотиве. Тринадцать километров позади, ноги гудят от усталости, а приемлемого места для ночлега не видать. Зато Вилен нашел мост – под железной дорогой проходила автомобильная трасса, насколько хватало глаз, совершенно пустынная. Трава давно разломала асфальт, превратив единое некогда полотно в мозаику. Жалкие осколки цивилизации. Спускаться на шоссе Ильич не стал. Тяжко вздохнув и рефлекторно поправив висевший за спиной рюкзак, он уже далеко не так бодро, как несколько часов назад, зашагал дальше.

После моста окружающий пейзаж заметно изменился. На пути Вилена встретились две железнодорожные станции, точнее – обычные бетонные перроны. Вывески не сохранились. Видел деревеньку с десятком сгнивших покосившихся домов. Очень хотелось поискать следы людей, понять, что же здесь произошло. Но дома были настолько ветхими, что Вилен даже не рискнул заходить. Едва вступив на крыльцо, он провалился по колено в сгнившие доски пола, чуть не сломав себе ногу, и быстро передумал. Пусть даже внутри его и ждал источник информации, способный подсказать – где он, куда идет, и что

здесь случилось. Жизнь была дороже. Окинув взглядом брошенное жильё, он двинулся дальше, нужно было спешить, уже скоро дневной свет сменится кромешной тьмой. Хорошо ещё, если луна будет.

Боги любят смелых безумцев. Видимо, кто-то из них изредка бросал взгляд на этот мёртвый мир и потому заметил одиноко бредущего человека. Подходящее место для ночлега Вилен нашёл минут за двадцать до того, как сумерки сгустились до состояния «вот я, блин, и осёл!!!». А заодно Вилен пришёл туда, куда так стремился. Это был маленький городок, начинавшийся с дряхлого кирпичного здания вокзала. Ильич на глазок оценил возраст строения – явно больше сотни лет. Широкие деревянные двери, превратившиеся в труху, валялись на полу, выложенном старой советской плиткой стандартных цветов – коричневой и светло-бежевой. Вилен включил подствольный фонарик. Узкий луч пробежался по отсыревшим стенам, пол был залит водой, часть крыши обрушилась. Здание, пережившее своих строителей, медленно умирало.

А вот и то, что он искал: в дальнем углу была сложена груда кирпичей, а древние, чудом сохранившиеся деревянные лавки идеально годились для растопки, они так и просились в костёр.

Самодельное мачете играючи справилось с колкой дров. Вилену его сделал слесарь из института, пустив на клинок какой-то уникальный сплав, который проходил под грифом «секретно». Великолепный тесак вышел: что ни делай, никогда не затупится. В меру тяжёлый, можно спокойно развалить голову на две части или нарубить дров, как сейчас и поступил Вилен. На разгрузке рукоятью вниз висел боевой нож из того же материала. Изготовление этого оружия обошлось Ильичу в полторы штуки баксов.

Вилен достал вскрытый ранее ИРП и принялся за ужин. На костре уже закипала небольшая металлическая кружка, в которую разведчик-первопроходец бросил две ложки растворимого кофе. Даже за ужином он не забывал, где находится, на коленях лежал полностью готовый для стрельбы АЕК. Ильич любовно провел рукой по ударопрочному пластику, из которого была сделана вся фурнитура, от цевья до рукояти. Надо признать, это оружие сильно ушло от схемы «чем проще, тем лучше», столь любимой в советские времена. Правда, и в разборке он был намного тяжелее, чем старый добрый АК. Знакомые говорили, что и Калашников свой новый автомат АК-12 делал по той же схеме сбалансированной автоматики, но пока его видели лишь на выставке да на фотографиях. Каким образом АЕКи попали в научный институт, Вилен не знал. Но служба безопасности, поголовно

набранная из силовиков, причём – ветеранов боевых действий, побывавших в самых разных концах света, пользовалась исключительно этим оружием. Уже позже Вилен узнал, что зарплата, которую он получает, приходит не из института, а из ФСБ, точнее – ему платила служба по охране стратегических объектов, которая и подбирала себе кадры из отставников, вышвырнутых на гражданку. О том, на кого именно он работает, Ильич узнал только при назначении на должность начальника охраны. Он сильно удивился, когда вместо кабинета директора его вызвали в региональное управление ФСБ, и там генерал зачитал приказ, попутно подсунув Вилену документ «о неразглашении». Но во всём этом Ильич нашёл много полезного. Например, он снова оказался на государственной службе и был востребован, да и зарплата его устраивала. Теперь вот судьба привела его в какой-то непонятный мир, и он пьёт кофе на брошенном людьми вокзале. И у него есть ещё четыре дня, остающихся до возвращения. А ведь можно оставаться жить здесь, на полянке в лесу, ожидая, пока Валера забросит сюда следующую партию «туристов». Вот только зачем?

После того как паёк был съеден, Вилену сильно захотелось спать, уж больно день выдался насыщенным на ходьбу. Вот только, как тут спать, когда ты находишься хрен знает где, и приходится ждать фиг знает чего? Вилен всё же решился, иначе завтра можно было бы смело двигать обратно, потому как – нечего шарaxаться по незнакомому миру смертельно уставшему человеку. Уснул он, как и любой хороший солдат, мгновенно.

Проснулся он так же – разом, хоть и не было давно боевой практики, последние десять лет Вилен Ульянов воевал только на полигоне. Но врождённому умению просыпаться мгновенно, при этом выглядеть свежо, словно и не спал, завидовали многие. Ильич ещё не понял, что его разбудило, но ствол автомата уже смотрел на дверь, предохранитель тихонько щёлкнул, переводя оружие на режим «три выстрела». Костёр потух, даже верхний слой углей остыл, хотя нагретые кирпичи всё ещё давали слабое тепло. Снаружи кто-то ходил. Вилен почти бесшумно поднялся, телескопический приклад давил в плечо, палец застыл на спусковом крючке. Немного потянуть – и три пули уйдут в цель. На расстоянии до ста метров они попадут в пятикопеечную монету, причём – все три.

Ильич опустил на колено, держа вход под прицелом. Он не зря расположился в самом дальнем углу слева. Любой, кто когда-нибудь зачищал помещения, знает: рефлекторно человек обычно разворачивается направо, и при грамотном выборе позиции у тебя всегда есть шанс срезать его прямо на входе. Главное

при этом не нервничать и быть не полным профаном в стрельбе. Вилен профаном не был, лохов в разведку никогда не брали. Для чемпиона города по стендовой стрельбе, прошедшего обкатку в Чечне, десять метров – не расстояние, на такой дистанции он сможет вогнать все три патрона в любой глаз, по выбору, прежде чем противник успеет вздохнуть.

Нечто большое и стремительное возникло в широком дверном проёме. На этот раз Вилен не стал ждать – все три пули ушли в морду зверя. Тяжелые бронебойные дозвуковые пули развалили череп, словно тыкву, на стену брызнуло кровью вперемешку с мозгом. Зверь умер мгновенно.

Ильич не испытывал никаких сомнений – тварь охотилась, и охотилась на него. В отличие от встреченного днём кота, этот хищник не изучал противника, он просто хотел жрать.

Какое-то время Вилен выжидал, держа на прицеле дверной проём и не забывая поглядывать на два небольших окна, но всё было тихо, чувство тревоги отступало.

Исследователь неизвестного мира поднялся и медленно двинулся к двери. То, что лежало у порога, отчасти напоминало собаку, только размерами псина была с маленького пони и весом так килограммов под сто пятьдесят. И если котик, встреченный днём, был в холке примерно около метра, то этот «зверёк» был повыше сантиметров на сорок – пятьдесят. Огромные челюсти, полные зубов, пара клыков размером с ладонь, странная шкура с коротким ворсом, слегка светящаяся серебром в тусклом утреннем свете. И всё же существо здорово напоминало собаку и вполне могло быть её далеким потомком.

Вилен быстро собрался и вышел наружу. Далеко на востоке уже занялся рассвет, окрасив горизонт нежно-розовым цветом. Теперь пора было разобраться, где он находится и что тут есть интересного. Вилен подпрыгнул, проверяя, как подогнано снаряжение. Ничего не гремело и не брэнчало. Обойдя здание вокзала, Ильич отправился на осмотр достопримечательностей. Городок оказался не таким уж и маленьким, как показалось в сумерках, – тысяч на двадцать жителей, может чуть больше. Теперь он был заброшен и мёртв, единственными его обитателями, видимо, являлись «зверьки», подобные тому, что лежал сейчас в дверях вокзала. Пока не поздно, лучше убраться от трупа подальше, на него скоро набросятся стервятники, и какого размера они будут, совершенно неясно. Разведчик вынужден был констатировать, что пока данный

мир разнообразием живности не поражал. За прошлый день Вилен видел несколько довольно больших птиц и десятка два поменьше, похожих на ворон. Также не забываем белку с клыками, ну и, конечно, котика размером с большую собачку.

Крайняя к железке улица носила простое и понятное название: «50-летия Октября». Вилен приблизился к трёхэтажному дому. Вход в подъезд был открыт, от двери осталась одна доска, висевшая на двух совершенно ржавых петлях, которые каким-то чудом не осыпались пылью. Перед входом – небольшая груда крупного щебня, из которого торчали куски арматуры. Видимо, обвалившийся козырёк.

Ильич аккуратно вошёл внутрь, подсвечивая свой путь фонариком. Луч метнулся по стенам, и сразу стало ясно, что дом уже давно заброшен: везде подтеки, на полу белые следы от осыпавшейся штукатурки, крошащийся кирпич. Освещая опасные места, разведчик поднялся на первую площадку. Как и ожидалось, дом явно посетили мародёры – все двери выбиты, квартиры пусты. Вот только Вилену необходимы были не материальные ценности, а информация. Парень вошёл в первую квартиру так, как и положено: сначала ствол, потом сам. С первого взгляда стало ясно: здесь ловить нечего, огонь уничтожил всё, что осталось от мародёров. В трёх других квартирах наблюдалась схожая картина. Вилен чертыхнулся и поднялся на второй этаж. Осмотрев единственным глазом закопчённые стены, поднялся на третий, но и тут был сплошной облом. Выгорел весь подъезд, крыша обвалилась, и природа медленно уничтожала людское строение. В соседнем подъезде было то же самое, в третий, и последний Вилен даже заходить не стал. Пройдя до конца улицы, на которой было всего четыре дома, разведчик окончательно убедился, что мародёры и поджигатели здесь потрудились на славу. Вилен сплюнул на траву, которая уже давно уничтожила асфальтовое покрытие, и пошёл в глубь городка.

Пустынные улицы мёртвого города навевали тоску. Один раз его атаковала пара каких-то тварей размером со среднюю собаку, на очень коротких ножках. Прыгнули на него из руин пятиэтажки. Вилен хоть и не был готов к этой атаке, но короткую очередь выпустить успел. «Собачки» рванули прочь, причём одна подволакивала заднюю лапу, оставляя отчётливый кровавый след. Ильич хотел было добить её, но твари проворно скрылись в руинах, и разведчик лишь махнул на недобитка рукой. Скорее всего, псина не переживет сегодняшний день, её добьёт напарник или ещё какие гады выследят по запаху крови. Однако это приключение показало, что мир сей был не столь уж и пустынен. Большие

хищники – не единственные его обитатели. Правда, всё произошло очень быстро, и Вилен не успел хорошенько рассмотреть противника, но стычка помогла собраться, он снова был в бою. А значит, хватит уже вести себя как на прогулке по бульвару, под пивко и шуточки. Пора вспоминать, как живут на войне.

Всё, что до того приходилось наблюдать, повергало Вилену в уныние. Ветер гонял обрывки бумаги вдоль дороги, во дворах гнили остовы машин, с которых практичные мародёры давным-давно свинтили всё ценное. Больше всего Ильича напрягали человеческие останки. Выбеленные временем скелеты, на которых кое-где остались лоскуты одежды. На многих костях были заметны следы зубов и пуль. В одном из подвалов Вилен нашёл и настоящую братскую могилу. Десятка два людей: мужчины, женщины и даже дети, кости которых растащили хищники. У каждого черепа – пулевое отверстие в затылке. Место казни... Правда, ответа на вопрос, за что именно их порешили, там не нашлось. Да и вообще не было никаких намёков на отгадку. Где он, и что здесь произошло... Головоломка не складывалась. Удача улыбнулась ему лишь в третьем по счёту доме на улице, примыкающей к центральной площади. Подъезд с крепкой металлической дверью, которая оказалась запертой, окна заложены кирпичом с оставленными узкими щелями бойниц. В том, что этот объект кто-то атаковал и оборонял, сомневаться не приходилось, на стенах – многочисленные следы пуль, дверь, которая так и не поддалась нападавшим, была явно повреждена взрывом. Вилен минут пятнадцать изучал дом, не высовываясь из кустов. Никаких признаков жизни обнаружить не удалось. О том, что всё здесь происходило давно, свидетельствовали ржавые гильзы, рассыпанные в кустах. Видимо, здесь была позиция пулемётчика. Время почти уничтожило улики, но бывший разведчик легко отыскивал «приветы из прошлого» – вот бруствер, а вот и полуосыпавшийся окоп для стрельбы лёжа. Выбравшись из кустов, он направился к двери. Пока её прикрывали защитники, преодолеть эти пятьдесят метров открытого, прекрасно простреливаемого пространства было абсолютно нереально. Если, конечно, человек не торопился увидаться с апостолом Петром. Те, кто штурмовал дом, существенно упростили Вилену задачу: взрыв выгнул дверь, замок на ней едва держался.

– Добро пожаловать, – провозгласил Вилен и ударом ноги выбил задвижку.

Раздался лязг, звук упавшего механизма, оставалось только потянуть за ручку. И тут Ильич замер. Сколько в Чечне погибло ребят, которые просто потянули за дверную ручку? Покопавшись в рюкзаке, он быстро привязал к двери тонкий фал

и, отбежав, спрятался в небольшую промоину.

- Бойся! - крикнул он сам себе и резко дернул за верёвку.

Ильич даже не услышал - почувствовал, как хлопнул старый укороченный запал. Через секунду раздался взрыв. Вилен выбрался из укрытия и направился к входу, сматывая верёвку. Что же, всё логично. Любой человек, беззаботно распахнувший дверь, получал пригоршню лёгких осколков чётко в корпус.

Пристроившись слева от входа, разведчик заглянул внутрь. Других сюрпризов он не разглядел. На лестнице пусто, слева из нескольких мешков с песком оборудована позиция для бойцов, прикрывающих вход. Тот, кто строил оборону дома, знал толк в фортификации. Вилен вошёл в подъезд и заглянул за мешки. Два скелета в обрывках серо-голубого городского камуфляжа «флора» с нашивками ОМОН, два АКС, покрытых пылью. То, что умерли бойцы не своей смертью, было совершенно ясно. Кости разгрызены мощными челюстями, черепа расколоты. Вилен отстегнул магазин одного из автоматов - пусто. Глянул вверх и обнаружил на стенах и потолке многочисленные следы от пуль. Судя по всему, что-то атаквало их сверху, мужики стреляли до последнего патрона, а потом это «что-то» разодрало и сожрало их. Включенная камера-пуговица исправно всё фиксировала, сохраняя информацию. Подобная аппаратура могла вести запись в течение трёх суток, но, чтобы Валера увидел их, разведчик непременно должен был вернуться.

Вилен подсветил пол фонариком и поднял чудом уцелевшие документы, лежавшие на краю лужи. Раскрыв их, он с трудом прочёл размытую надпись: «Самсонов Игорь Валентинович, старший лейтенант отряда милиции особого назначения, г. Волоколамск».

Название города было хорошо знакомо Вилену, и теперь разведчик точно знал, где находится. До Москвы - всего сто двадцать километров. Теперь оставалось решить: дальше рыскать по городу или же идти к столице?

Вилен присел на ступеньку и задумался. Направление «Москва» выглядело перспективно. Если не удастся найти ответы здесь, придётся идти туда. Обшаривать город в одиночку слишком долго. Но и Москва - далеко... Разведчик достал «шагомер». За вчерашний день он прошёл чуть больше сорока километров. До столицы топтать ещё прилично, а ведь ещё и назад нужно было

вернуться. И если с водой проблем не наблюдалось (хотя ещё неизвестно, что именно тут с водой, не заражена ли она), то провизии оставалось в обрез. Дня на два, максимум три. Значит, ответы нужно было искать здесь.

Разобравшись с приоритетами, Вилен поднялся на ноги и пошёл к первой квартире. Как и ожидалось, весь первый этаж был приспособлен к обороне, пробитые стены образовывали длинный коридор, тянущийся через всё здание. Лестницы на верхние этажи обвалены и убраны, с дырявой крыши постоянно капает вода, повсюду разбросаны человеческие кости. Вилен обошёл все комнаты и насчитал одиннадцать трупов. И это – без тех, что лежали в подъезде. В целом оборона была построена грамотно. Неразрушенной оставалась только лестница в соседнем подъезде, она вела на второй этаж, и выход на улицу там заложен наглухо. На первом этаже не было ничего интересного, много рассыпанных по полу автоматных гильз, сами автоматы с полупустыми магазинами. Вилен прошёлся по всему этажу и собрал стволы, после чего свалил их в металлический шкаф, который обнаружил во время осмотра. Видимо, его использовали для хранения боеприпасов и оружия. Там же нашлось несколько новых стволов и пять цинков с патронами различного калибра. Один из автоматов его заинтересовал – штурмовой комплекс «Вал» с оптическим прицелом. В некоторых обстоятельствах и при работе на расстоянии до двухсот метров он вполне заменял снайперскую винтовку, а если учитывать, что автомат был бесшумным, – иметь с ним дело становилось сплошным удовольствием. А вот единственный пулемёт оказался совершенно негодным, он был буквально раздавлен, вся ствольная коробка смята в хлам, складывалось ощущение, что по нему проехал танк. Вилен покрутил его и на всякий случай снял ствол, который был довольно новым, максимум – пятьсот выстрелов. Закончив на рубеже обороны, Вилен поднялся выше. Тут тоже были позиции для стрелков, но половина комнат явно отводилась под жильё. Природа потихоньку разрушала дом, худая крыша не способствовала долголетию, кирпичные стены промокли, на полу в некоторых местах стояли лужи, оставшиеся после недавних дождей. Капли, найдя дорожку сквозь швы бетонных плит, срываются с потолка, но пока всё выглядело достаточно жизнеспособно. Скорее всего, понадобится ещё с десятков лет, чтобы окончательно обрушить это здание.

– Интересно, в какую же заварушку должна была угодить эта цивилизация, если детская кроватка стоит через стенку от пулемётного гнезда?

Вилен, как всегда, говорил сам с собой. В данный момент опасаться вроде бы нечего, всё кругом заброшено и раздолбано. Из возможных угроз разве что «зверьки», бродящие по городу. Однако ещё до начала своего обхода Вилен подстраховался и заблокировал дверь в подъезд, так что теперь он вполне мог позволить себе подобные «беседы». Ответа на то, что же случилось здесь много лет назад, по-прежнему не было. Внимательно осмотрев первую комнату, он не нашёл никаких газет, книг и прочих носителей информации. Но кое-что его заинтересовало: на письменном столе возле небольшого окошка, затянутого снаружи сеткой, лежал маленький клочок бумаги, на котором было мелко написано: «Милая, я буду в лаборатории. Целую, Стас».

Вилен несколько раз перечитал текст. Если записка была оставлена на столе незадолго до начала штурма, приведшего к смерти обитателей дома, то получается, что где-то здесь есть лаборатория, а в ней – записи. Эксперименты, отчёты и прочая канцелярщина. Что, собственно, он и искал. Одно странно: что это за лаборатория в жилом доме?

Вилен выдвинул ящики стола. Несколько фотографий: мужчина с приличным пивным брюшком, маленькая и худенькая женщина, на руках у неё ребёнок, которому не больше пяти месяцев. А внизу дата – 12.09.2011. Вилен положил фотографии обратно.

– Значит, две тысячи одиннадцатый год.

Убедившись, что в комнате больше нет ничего интересного, разведчик вышел в коридор.

На осмотр всего этажа ушло около часа. Вилен брал всё: вырезки из газет, тетрадки с записями, записные книжки, несколько DVD-дисков, флешки. Рюкзак за спиной опасно потяжелел, а до конца осмотра было ещё очень далеко. На третьем этаже располагались жилые комнаты, в которых сохранилось множество вещей. Из нескольких компьютеров он извлек жёсткие диски, прибавилось и «макулатуры».

Пятиэтажка состояла из четырёх подъездов, но разведчику пока что нигде не удалось обнаружить следов лаборатории. И он давно уже бросил считать растерзанные трупы. В этом здании когда-то обитало несколько сотен человек. На третьем этаже он впервые обнаружил следы тех, кто атаковал дом. Основные

бойцы погибли на первом и втором этажах, так никого и не убив, зато на третьем кому-то повезло. И, скорее всего, этот «кто-то» был гражданским. Он так и остался лежать в дверях квартиры. Возле разбросанных костей валялась напроць смятая «Сайга», а рядом – странного вида скелет, который и заинтересовал Вилен. То, что эти останки принадлежали не человеку, становилось ясно с первого взгляда. Но и то, что «это» было именно человеком, не вызывало никаких сомнений. Больше всего существо напоминало гориллу, вот только передвигалось оно определённо на четырех конечностях. Ильич внимательно осмотрел останки. Пуля 12-го калибра, выпущенная почти в упор, в прямом смысле развалила череп на две части. Но и то, что от него осталось, давало определенное представление о внешнем виде существа. Лицевая часть заострённая и вытянутая, во рту четыре клыка, каждый – сантиметров по семь. Толстый, в руку взрослого человека, позвоночник. Рост – примерно метр восемьдесят. Но, несмотря на такие глобальные изменения, разведчик был готов дать голову на отсечение: этот монстр когда-то, до мутации, был человеком. Скорее всего, мужчиной, и ходил он прежде на двух ногах. И ещё один вывод: подобных тварей в момент атаки на здание было намного больше, чем одна. Вот только – откуда они пришли?

И – похоже, что Вилен угодил всё-таки в будущее. Вот в такое, крайне безрадостное для человечества будущее. Ничто не указывало на какой-то иной мир. Наоборот, всё, что он видел за время пребывания здесь, соответствовало тому, что производилось и строилось на Земле образца начала двадцать первого века. А если конкретнее – вокруг была Россия, не пережившая 2011 год.

Камера исправно всё фиксировала. Теперь Валера будет обеспечен работой на несколько месяцев вперёд. Вилен вновь начал обшаривать комнаты. Огромная куча того, что могло понадобиться для выяснения причин произошедшего в этом мире, росла на глазах. Вилен уже ничего не брал с собой, паковал всё в сумки и оставлял на лестничных пролётах. О том, что он сможет двинуться в путь сегодня, уже не было и речи. Все находки утащить с собой нереально, значит, придётся «окопаться» в этом доме и постараться отобрать самое важное. После осмотра четвёртого этажа Вилен решил перекурить и пообедать. В доме нашёлся и продуктовый склад, но трогать найденные там консервы он не рискнул. Неизвестно, сколько прошло со времени их выпуска. Маркировка на некоторых банках подсказывала, что изготовлены они были в конце двадцатого века. Обильный помёт и обрывки упаковок говорили о том, что раньше здесь хранились крупы и макароны, но мыши или крысы добрались до всего, что поддавалось их зубам. Так что Вилен без затей вскрыл ИРП и быстро перекусил тем, что послала отечественная оборонка. А послала она многое, и вполне

приличного качества. С трудом съев половину пайка, Вилен повеселел. На десерт были хлебец с джемом и разогретый на портативной горелке чай. Оставшуюся часть ИРП он отложил на ужин, который обещал стать не менее сытным.

Пятый этаж тоже был жилым, пара огневых точек для снайперов в счёт не шли. Там Вилен подобрал две винтовки СВД, один «Винторез» и по два цинка боеприпасов к каждому стволу. В доме оказалось прилично оружия. Ильич не вёл точный подсчёт, но единиц сто набралось. Правда, в этот перечень он включил пистолеты и даже десяток охотничьих ружей. Похоже, тот, кто командовал здесь омовцами и простыми милиционерами, сумел перетащить в этот дом всю «оружейку» города. В общем, ребята постарались. Как говорил Наф-Наф: «Дом умного поросёнка должен быть крепостью». Вилен всячески поддерживал подобную философию, поэтому у него дома, помимо табельного пистолета, хранилось ещё четыре ствола. Один пистолет и три различных ружья. Два легальных, одно – «левое», снайперская винтовка Мосина, абсолютно незаконно извлечённая с мобсклада и доведённая до ума знакомым оружейником. Деревянные части были заменены на великолепную ложу, выполненную из карбон-кевлара. И если обычная «мосинка» весила более четырёх килограммов, то переделанный вариант едва дотягивал до трёх с половиной. Помимо оружия, согласно всё той же заповеди Наф-Нафа, у Виленки дома хранилось около пяти сотен патронов. По сотне к «мосинке» и каждому гладкостволу и две сотни к пистолету. Там, дома, это всё уже было под рукой. Здесь же приходилось собирать арсенал заново.

Закончив обыск и оттащив две сумки к лестничному пролету, Ильич обнаружил неповреждённую лестницу, ведущую в подвал. Поставив сумки на пол, он несколько минут отдыхал, покуривая. А потом, сняв с плеча АЕК, стал медленно спускаться. Всё в этом доме было сделано логично, на лестничных площадках – никаких дверей. Они выломаны, проёмы заложены кирпичом. Просто лестница, ведущая вниз, и если кто-то попытался бы пробить здесь брешь и атаковать защитников, добился бы только одного – больших потерь личного состава. Нападающих просто закидали бы гранатами, широкие лестничные пролёты вполне позволяли развлекаться подобным образом. К тому же тот, кто руководил обороной, учёл и эту ситуацию. Два лестничных пролёта были заминированы. Одно движение подрывника – и десять метров лестницы летят вниз, хороня всех, кто рискнул сунуться. Конечно, пришлось бы пожертвовать подвалом и всем, что там находилось, но количество людей на жилых этажах, скорее всего, намного превышало количество обитателей подвала.

Прочная толстая металлическая дверь была выбита вместе с куском стены. Нечто огромное и тяжёлое, одним ударом смяв преграду, вырвалось здесь на свободу. Вилен, как истинный мародёр-археолог, старался нахапать как можно больше «полезностей», в том числе его добычей стал и фонарь с ручным генератором. Жмёшь рукоять, энергия накопилась, и – да будет свет! Пока лампочка не перегорит. Вилен закинул автомат на плечо и извлек СПС – самозарядный пистолет Сердюкова. «Гюрза», если по-простому. Довольное добротное изделие под бронебойный патрон СП-10, способный метров с пятидесяти пробить «броник» третьего класса защиты.

Щёлкнув предохранителем, Вилен продолжил спуск в подвал. Вокруг маленькой металлической лестницы лежали человеческие скелеты. Вернее, то, что от них осталось. В куче костей Вилену удалось выделить пять черепов, но, скорее всего, людей было больше. Судя по всему, у них не было и половины шанса. Безоружные, испуганные ученые ломались к выходу, надеясь отгородиться от результата собственных экспериментов металлической дверью. Похоже, они так и не узнали, что вырвавшиеся на свободу кадавры смяли её почти мгновенно.

Широкий луч метался по разгромленной лаборатории. Истинная ярость, выпущенная наружу, сокрушила здесь всё, что можно было крушить. Чудом сохранился один компьютер, из которого Вилен вытащил жёсткий диск.

Ильич провел в подвале около двух часов. Глаза устали, вести раскопки при свете фонаря оказалось очень тяжело. Зато его добычей стали две пластиковые папки с какими-то отчётами, стопка документов, недописанный лист с описанием последнего эксперимента и, самое главное – ноутбук «Панасоник». Походная версия из тех, что даже в воду бросать можно. Всё это нуждалось в изучении, причём – в скорейшем. Вилен выбрался в тёмный подъезд и поднялся под крышу странного дома. Перекурив, он затем выбрал на этаже место посветлее, удобное для обороны, и стащил сюда со всего здания свои находки. «Лут», как говорят online-игроки. Короче говоря, «мародёрку».

В помещении нашёлся небольшой запас дров, в углу стояла странная печка на две конфорки, с трубой явно заводского производства. А самое главное – крыша здесь не протекала и пол был сухим.

Раз уж придётся ночевать в городе, Вилен решил всерьёз подумать о защите места ночёвки. Три растяжки на ключевых местах плюс дверь, ведущая в подъезд, которая была заблокирована ещё утром. Теперь «на мягких лапах»

к нему никто подобраться не сумеет. Устало вытянув ноги и включив фонарь, Вилен приступил к изучению набранных за день материалов.

Спустя два часа он знал ответы на все мучившие его ранее вопросы. Маленький дневник открыл, что за катастрофа здесь случилась, и что происходило после неё. А газетные вырезки обогатили картину трагедии.

В октябре 2011 года произошла величайшая за всю историю существования здешнего человечества террористическая атака. Пять тысяч «грязных» бомб большой мощности сработали в самых влиятельных странах мира. Всего за неделю погибли несколько миллиардов человек. Спецслужбы успели раскопать многое: кто, когда, зачем... но справиться с последствиями теракта у цивилизации сил уже не хватило. Доморощенные террористы создали оружие, которое погубило всё и всех. Те, кто оказались в радиусе пятидесяти километрах от взрыва, погибали за несколько дней. О том, что люди, находившиеся в непосредственной близости от эпицентров, умирали быстро и крайне болезненно, никто не говорил. Это было и так понятно. Если же расстояние от эпицентра превышало сотню километров, смерть наступала мучительно, люди за несколько недель буквально разлагались заживо. Даже оказавшиеся в тысячах километров от атакованных мест люди были обречены на медленную смерть. Радиоактивный изотоп, разносимый ветром и водой, не признавал расстояний и границ. Свою дозу облучения получили все.

«Террористы рассчитывали, что „зачищенная“ таким диким способом планета достанется им, и они уж без помех построят свою цивилизацию всеобщего „счастья и добра“».

Прочитав эти строки, Вилен скептически ухмыльнулся.

– Дебилы, – прокомментировал он.

«Да, они разработали уникальные бомбы. Спустя четыре года радиация должна была пойти на убыль, а спустя ещё три – исчезнуть навсегда. Но фанатики не учли губельных последствий всеобщего заражения. Когда радиация спала до нормы, это было уже неважно. Человечество оказалось практически уничтожено, и на арену вышел новый вид. А хомо сапиенс в этом мире стал не более чем пищей. На смену ему пришли мутанты, быстрые и смертоносные, обладающие запредельной силой и паранормальными возможностями, такими,

как телепатия, ультразвук, телекинез и даже телепортация. Человек в таких условиях был обречён на вымирание. У нас остаётся лишь слабая надежда на лабораторию, которую удалось построить здесь, в подвальных помещениях. Возможно, учёные смогут понять, сможем ли мы выжить и что мы должны сделать, чтобы не оказаться последними людьми на Земле».

Заметки, которые читал Вилен, были расписаны по дням, но данные воспринимались для него сплошным потоком. Судя по почерку и некоторым оговоркам, писала молодая женщина, скорее даже – юная девушка.

Вилен отложил дневник. Прочитанное заставило его серьёзно задуматься. Если автор дневника был прав и место, в котором он находится, это – будущее Земли, то до глобальной катастрофы оставалось всего чуть больше года. А затем должно было случиться страшное.

Вилен листал страницы, мельком проглядывая текст.

«Огневики, жалкие выродки, они третий день блокируют дом. Отец говорит, что их больше трёх десятков. Они уже разграбили и сожгли город. Пойманных людей казнят. Это страшно. Но все абсолютно уверены, что нас им не взять, ведь обороной руководит Игнат Барский».

Разведчик вздрогнул. На той войне Игнат Барский был его командиром. Именно он выволок Ильича из-под обстрела, когда тот лишился глаза. По слухам, когда капитана выкинули из армии за неподчинение очередному дебильному приказу, он пошёл служить в ОМОН. И вот ведь как кривая вывела... Именно Барину довелось оборонять в этом маленьком городке последний оплот цивилизации.

Ильич быстро перелистал страницы, наполненные личными воздыханиями девушки по некоему Саше.

«Атаки прекратились. Мы слышим по ночам жуткие крики, это мутанты охотятся за уцелевшими огневиками. Нашим рейдерам удалось поймать троих, их заперли в клетках в лаборатории. Мутанты жрут всё подряд, предпочитая всему остальному человечину. Это мерзко, но отец сказал, что подобная жертва необходима. Мутантам скормили пленного огневика. Его крики слышали все. Сашка тоже одобряет...»

Последняя запись была датирована декабрем 2012 года.

«Нет сил сидеть взаперти. Почти полгода никто из гражданских не покидает дом. На улице всё больше мутантов, за прошлую неделю отряд потерял троих поисковиков. Продукты ещё есть, но рацион урезан. Странный шум на пятом этаже, очень похоже на выст...»

Фраза осталась незаконченной. Вероятно, именно 7 декабря 2012 года в городе Волоколамске пал последний очаг цивилизации.

Вилен запихнул дневник в рюкзак. Этот текст непременно должен был попасть к Валере Рябову. Достав сигарету, Ильич принялся задумчиво вертеть её в пальцах. Интересно, сколько прошло времени с 7 декабря 2012 года? Двадцать лет, тридцать, сорок? Явно не больше пятидесяти, иначе дом, в котором он находится, уже лежал бы руинами под толстым слоем мха. До Волоколамска Вилен шёл порядка сорока километров, но на всём пути видел лишь пару мутантов. И – никаких аномалий, никакой радиации... Просто мир, покинутый людьми, смотреть на который было больно и странно. Но – мир вполне живой.

Ильич бросил взгляд на ноутбук, прихваченный из лаборатории. Отличное изделие фирмы «Панасоник», редкий экземпляр со всеми степенями физической защиты, разработанный специально для армии и различных поисковых партий. Вилена интересовало два момента: работает ли ноутбук в принципе, и – запустится ли он, если включить его прямо сейчас?

Ильич открыл крышку и нажал кнопку. Как ни странно, лэптоп оказался в рабочем состоянии, внутри корпуса загудел кулер, экран моргнул и выдал системные характеристики. К счастью, прежний владелец не заморачивался с паролем, с третьего раза сработала комбинация из букв «qwerty». Открыв каталог, Вилен просмотрел рабочие файлы. Все названия папок явно касались экспериментов, отчётов и самой катастрофы. Видимо, учёные использовали этот лэптоп как резервное хранилище, и хранился он не в лаборатории, поэтому и не пострадал во время буйства мутантов. Разведчик сразу решил, что эту находку придётся тащить с собой стопудово. Взгляд упал на правый нижний угол экрана, где часы послушно отсчитали время с момента последнего включения. Согласно их показаниям, сегодня было 29 июня 2043 года. То есть с момента катастрофы прошло тридцать два года. Ясненько, понятненько...

Вилен выключил компьютер. Удивляло состояние батарей – зарядка была под завязку. А ведь сколько лет прошло с того дня, когда их последний раз заряжали? Впрочем, это уже было делом учёных. Пусть над этой загадкой Валера со товарищи головы ломают.

Ильич быстро просмотрел несколько альбомов с газетными вырезками. Своего рода краткий курс на тему: «О катастрофе и предшествовавших ей событиях». На всякий случай альбомы тоже отправились в рюкзак, в компанию к двум пластиковым папкам из лаборатории. Вилен наскоро перелистал остальные бумаги, затем убрал всё в сумки и пакеты и задвинул в самый дальний угол. Эту тяжесть с собой тащить нет смысла. Всё, что было нужно, он уже нашёл, выполнив задачу на сто двадцать процентов. Оставалось дотащить добычу до маяка, и – дело было в шляпе.

Пужинал он перловой кашей с мясом, на десерт – джем на суховатом хлебце. Пришлось заварить чай по второму разу, кофе решил оставить на утро. На улице стемнело окончательно. В безоблачном небе, как тарелка ярко-бордового цвета, висела полная луна. Такой луны Ильич ещё не видел. Некоторое время он смотрел на неё через узкую бойницу, казалось, что она гораздо ближе и ярче той привычной спутницы Земли. Достав сигарету, он несколько минут крутил её в пальцах, рассеянно прикурил. В голове крутилось множество мыслей.

Если это – будущее, то через год цивилизация погибнет и он вместе с ней. А признаков того, что мир – параллельный, он так и не нашёл. Хотя для этого хорошо бы досконально изучить документы, отправить полноценную экспедицию, обследовать тут всё. Но для себя кое-что Вилен уже решил. Если этот мир всё-таки являлся миром будущего, и цивилизация была обречена, то – у него есть спасительная калитка. Вернётся сюда, и гори оно всё там, на «Земле номер один», синим пламенем.

Однако где-то внутри сознания жила надежда на то, что уж теперь-то до катастрофы дело не дойдёт. Уже послезавтра его добыча попадёт на стол аналитикам спецслужб, они вычислят террористов, и ничего страшного не случится. Отшвырнув окурок, он бросил последний взгляд на луну. Было всё-таки в ней что-то зловещее.

Второй день его похода закончился. Вытянув ноги, Вилен сидел на матрасе, который притащил из ближайшей комнаты. От него воняло сыростью и плесенью, но другого всё равно не было.

С тех пор как на маленький городок опустилась тьма, звуки, доносящиеся с улицы, стали слышны более отчетливо. Только в мёртвом городе можно расслышать жужжание комара за окном и стрекот сверчков в высокой траве.

Единственный глаз закрылся сам собой, и Ильич даже не заметил, как задремал. Почему-то снилось детство, как он ездил в деревню на каникулы. Роца, где они с приятелями строили домик на дереве, ночные костры, блатные песни под гитару, дамба, которая запрудила родники, образовав озеро. Перейти её – и сразу начинается лес, прилично загаженный следами многочисленных пикников, оставленных местными селянами и селянками. Вилен ступил на дамбу и пошёл к деревьям. Там, на мысе, горел костёр. Что-то большое выпрыгнуло позади него на дорогу и замерло, оставаясь во тьме. Вилен обернулся, но ночь была темна, тучи затянули небо, а зажигалку он спрятал от деда в резиновый сапог, вместе с сигаретами. Вилен пошёл быстрее, чернота сгущалась вокруг него, он чувствовал, что то, что следовало за ним, тоже ускорило шаг. Он обернулся и буквально почувствовал, как преследователь замер, даже не опустив занесенную ногу. Или – лапу? Вилен пошёл спиной вперёд, вглядываясь в окружающую темноту, но та словно сгущалась, когда противник, казалось бы, вот-вот должен был оказаться на виду.

Внезапно чья-то рука упала ему на плечо. Вилен резко обернулся.

– Коля?

– Здравствуй, сержант, – улыбнулся половиной лица старшина.

– Ты же погиб, – прошептал разведчик, не в силах отвести взгляд от изувеченного осколком лица старого боевого товарища.

– Погиб, – согласился Пернатый. – И ты погибнешь. Проснись!

Вилен вскочил со своего матраса в тот самый момент, когда зверь занес лапу для удара. То, что это существо было когда-то человеком, не вызывало сомнения. Но теперь... никакой одежды, массивный торс, перевитый выпирающими канатами мускулов, кожа, даже с виду плотная, как пластмасса. Слишком длинные для человека руки, мощные когти не менее семи сантиметров длиной. Даже стоя на четвереньках, он казался огромным. Глаза мутанта

оказались на уровне груди Ильича. Тварь замерла, когда автоматный ствол уперся ей в широкие ноздри.

– Человек? – прорычало существо.

В этом рыке сквозило удивление.

Вилен опешил, палец, почти дожавший спусковой крючок, замер.

– Я опущу лапу, не стреляй.

Вилен окончательно впал в ступор. То, что стояло напротив него, мыслило и говорило. Существо оказалось разумным.

Мутант медленно опустил занесенную лапу, отступил на два шага назад и по-собачьи уселся, опершись на передние лапы.

– Сядь, человек, – попросило существо.

Вилен послушался, он уже не чувствовал угрозы. Если в момент пробуждения зуммер тревоги просто зашкаливал, то теперь всё было спокойно.

– Поговорим? – прорычало существо.

Вилен кивнул.

Длинная пасть оскалилась – в улыбке? Ильич мог поспорить на что угодно, что это была улыбка. Какое-то время они молча смотрели друг на друга.

– Кто ты, человек? – как следует рассмотрев Вилену, спросил мутант.

– Да так. Просто иду себе.

– Идёшь? – переспросило существо и закатилось рыкающим смехом. – Человек, ты не можешь здесь идти. Вас давно уже нет, а мы – есть. Откуда ты, человек?

- Ты видишь меня? Значит, я тоже - есть, - парировал Вилен.

- Города мертвы. Вы - мертвы. Уже много лет я не видел никого, похожего на тебя. Откуда ты, человек?

- Издалека.

- Ну хорошо, человек, - согласился мутант. - Теперь ты спрашивай.

- Кто ты? Вас много?

- Я - Прыгун. Так звал меня учёный. Он поймал меня и держал в клетке, в подвале.

- В этом подвале? - Вилен показал взглядом на пол.

- Да, - рыкнуло существо. - Нас много. А вас нет. Совсем. Я не живу здесь, здесь много боли. Пришёл из любопытства, меня привёл твой запах.

- Ты хотел убить меня?

- Да, человек, я хотел убить тебя. Сейчас не хочу. Ваше оружие не способно причинить вред, но мне будет больно. Поэтому я говорю с тобой. Я уже давно не говорил с людьми.

- С кем же ты разговариваешь?

- Я живу с Картинкой, - ответил мутант, - самкой. Она может показывать удивительные картинки. Иногда - красивые, иногда - ужасные. Она так разговаривает. Теперь я спрашиваю.

Вилен кивнул. Надо сказать, что он уже совершенно не боялся своего собеседника, всё это было даже интересно.

- Человек, там, откуда ты пришёл, много таких, как ты?

- Да, Прыгун, там миллионы людей. Там есть даже ты.

- Я? - удивился мутант. - Я не могу быть ТАМ, я - здесь.

- Ты родился до катастрофы? Человеком?

Мутант кивнул:

- Это была плохая жизнь. Воспоминания о ней приносят боль.

- Я оттуда, где ты ещё человек.

- И там нет таких, как я? - удивился мутант.

- Да, там нет таких, как ты, - согласился с подобной постановкой вопроса Вилен.

- Нехорошо, - подвёл итог Прыгун. - Там нет таких, как я, и там много таких, как ты. Вы все придёте сюда. Прыгуну будет плохо.

Вилен замер. Похоже, что существо, сидящее напротив него, только что приняло какое-то решение. И почему-то Ильич догадывался, что это решение ему не сильно понравится.

- Прыгун, а куда делись люди? - пытаюсь отвлечь тварь от размышлений, спросил Вилен.

- Людей больше нет. Часть из них стала такими, как я. Остальные умерли. Болезнь. Других убили сами люди. Кого-то сожрали мы. А там, откуда ты, много людей?

Вилен мысленно чертыхнулся. Тварь оказалась сообразительной, и она видела в нём угрозу.

Воздух вокруг начал уплотняться. Вилен напрягся, он знал, что это значит. Так его сознание реагировало на возникающее ощущение угрозы. Правая ладонь сжала рукоять автомата, палец дёрнулся на спусковом крючке. Длинная очередь

вспорола воздух, и маленькая кухня наполнилась визгом рикошета. Там, где мгновение назад находилась тварь, было пусто. Вилен вскочил на ноги, ища взглядом противника. Ещё мгновение назад он думал, что очередь в половину «банки» просто разорвёт мутанта, но тот в буквальном смысле слова просто растаял в воздухе. Вилен навёл ствол на дверной проём, атаковать его могли только оттуда, в пятиметровой кухне спрятаться было негде.

- Тебе не уйти, человек, - раздался рычащий голос Прыгуна откуда-то сверху.

Вилен отшатнулся, направив ствол в потолок. Тишину снова порвало в клочья, вновь визг рикошетов. И - ещё десять патронов, ушедших впустую.

- Тебе не уйти, человек, - снова раздался голос мутанта.

Вилен резко обернулся, тварь висела в углу, под самым потолком, упёршись всеми четырьмя конечностями в стены.

- Просто закрой глаза, и ты уснешь. Не больно. Даже не почувствуешь.

Вилен отрицательно покачал головой.

- Пойми, я не могу отпустить тебя, - спокойно прорычал Прыгун. - Если ты уйдёшь, придут другие. Они будут охотиться на нас. Мы - быстрые. Их будет больше. Они нас поймают. Я не могу дать тебе уйти.

- Извини, Прыгун, мы были здесь первыми! - крикнул Вилен, и очередь в три патрона ударила туда, где ещё мгновение назад сидел мутант.

- Может, и так, - легко согласился Прыгун, на этот раз он материализовался в коридоре, вне зоны видимости разведчика. - Но вы ушли. Сейчас это - наша земля. Если ты уйдёшь, то потом вернешься и приведёшь остальных.

- А если я пообещаю никого не приводить?

Несколько мгновений мутант молчал.

– Нет. Ты всё равно расскажешь об этом мире. И тогда другие люди захотят вернуть его себе. Они снова будут охотиться на нас. Тебе нужно умереть здесь.

Существо, которое разговаривало с ним сейчас, почти потеряло человеческий облик, но рассуждало оно совершенно здраво. Логика у него была железобетонная. Вот только Вилен совсем не торопился подыхать, да ещё здесь, в местах, столь отдалённых от родного мира. А, следовательно, выкручиваться нужно было любой ценой. Вот только противник, возникающий и исчезающий столь стремительно, вряд ли даст ему сбежать просто так.

Вилен лихорадочно искал выход из сложившейся ситуации.

– Ты не передумал, человек? – донёсся из коридора рык Прыгуна.

Разведчик огляделся, ища то, что могло бы ему сейчас помочь. Взгляд выхватывал в темноте помещения собранные ранее предметы: канистра с бензином, которая оказалась герметичной, и бензин сохранил свои свойства, несмотря на то что прошло тридцать лет. Сумки с документами, бомба, которую пришлось обезвредить, матрас. Взгляд Ильича вернулся к бомбе. Она была на дистанционном управлении, и пульт к ней имелся. Вилен нашёл его рядом со скелетом человека на лестничной площадке, с которой начинался спуск в подвал. Видимо, учёные всё-таки успели поднять тревогу, и караульный хотел обрушить пролеты, но не успел. Вилен, стараясь делать всё как можно тише, сунул трехлитровую канистру в сумку, следом отправилась бомба. Он застегнул молнию. И молясь, чтобы всё сработало, выпихнул сумку в коридор.

– Прыгун, а если я откуплюсь? – громко крикнул он.

– Мне ничего не надо. У меня есть целый мир и Картинка.

– А такого у тебя нет.

Вилен краем глаза следил за сумкой. Он сильно рисковал, при взрыве полкило тротила и его самого запросто могло порвать в клочья, но... уж лучше так. Ильич закинул за спину рюкзак, в левую руку взял ноутбук, правой сжал пульт. Автомат занял своё место на груди. Теперь всё зависело от того, клюнет мутант на подложенную ему приманку или нет.

– Что там? – после довольно долгой паузы спросил Прыгун. – Я чую запах железа и топлива. Мне они не нужны.

– Это не простое железо, с ним можно разговаривать. И тебе будет не так одиноко, ведь ты не всегда можешь говорить с Картинкой.

– Не всегда, – согласился Прыгун, – иногда я очень долго ни с кем не разговариваю. Зверь не умеет говорить, а Картинка любит спать.

Вилен замер и весь обратился в слух. Тихий шорох – это существо, бывшее когда-то человеком, подтянуло к себе сумку. И тогда он нажал кнопку на пульте.

Дом содрогнулся. Старая постройка не выдержала такого насилия над собой. Здание буквально разваливалось на куски. Мощнейшим ударом Вилена швырнуло на заложённое кирпичом окно, едва не переломав все кости. Спасла стена, за которой произошёл подрыв, она устояла, но взрывная волна рушила всё подряд. Потолочные перекрытия ломались, как печенье. Вилен слетел вниз, оказавшись на точно такой же кухне. Приподнявшись на локтях, он огляделся. Да, кухня – сестра-близнец той, что служила ему прибежищем наверху. Во время падения он рухнул на раскрошившуюся бетонную плиту, и штырь арматуры пробил икру. Сжав зубы, Вилен резко дернул ногой вверх, стаскивая её со ржавой железки. В единственном глазу потемнело.

Сверху продолжали сыпаться обломки. Кирпичная кладка на оконном проёме с грохотом вывалилась наружу. Дом рассыпался. Решение пришло мгновенно – окно. Разведчик уже понял, что, с какой бы скоростью он ни бежал, выскочить из дома ему не удастся. Словно подтверждая эту мысль, обрушился потолок в коридоре, намертво запечатав выход с кухни. Судорожно вытягивая из рюкзака альпинистский шнур, Вилен молился, чтобы пятнадцати метров длины оказалось достаточно. Обвязав верёвку вокруг штыря, на который ещё полминуты назад была насажена его нога, швырнул свободный конец вниз. Альпинистская подготовка у него была никакая, здесь Вилен ориентировался на голливудские фильмы и одноразовый опыт спуска к себе домой с балкона соседа сверху. Вцепился в верёвку и стал, медленно перебирая руками и ногами, сползать вниз. Ноутбук, ручка которого была зацеплена на карабин, висящий на поясе, пытался перевесить, опрокинуть, утянуть вниз. Но Вилен продолжал сползать. Верёвка неожиданно ослабла. Разведчик инстинктивно вцепился в неё, ноги потеряли опору, земля рванулась навстречу, резкий рывок и натяжение едва не заставили его разжать пальцы. Свободное падение остановилось на уровне второго этажа.

Переведя дух, Ильич просто скользнул вниз. Почувствовав под ногами твердую землю, посмотрел в тёмное, едва начинающее светлеть небо и тихо произнес:

– Спасибо, Господи. Хоть вера моя слаба, но ты не бросил меня.

И, отцепив лэптоп от поясного карабина, разведчик захромал в сторону железной дороги.

До здания вокзала, где он вчера был атакован собакой-мутантом, Ильич добрался минут за двадцать. Дыхание с хрипом вырывалось из его глотки, штанина, несмотря на качество и непромокаемость ткани, потяжелела от крови, в глазу расплывались яркие круги.

То небольшое, что осталось от убитого им зверя, валялось на перроне. Потрудились над мёртвым мутантом славно, некоторые кости были буквально раздроблены мощными челюстями, что многое говорило о размерах «едока». Остальное доделали крысы или хищники поменьше. Они обглодали скелет на совесть, не оставив ни грамма мяса, так что даже вонять было нечему.

Вилен прекрасно представлял, какой шлейф запахов тянется за ним. Крови из пробитой ноги натекло прилично, несмотря на то что он почти сразу затянул жгут. Забившись в угол, он стянул с себя штаны и достал свой собственный полевой набор. Шприц-тюбик с противоболевым средством пришёлся весьма кстати. Ильич сделал укол и честно выждал положенные три минуты, заодно выкурив сигарету. Потрогал края раны, ничего не почувствовал – эта часть ноги словно занемела. Полил перекисью, смыв засохшую кровь, осмотрел. «Царапина» выглядела довольно погано, он умудрился разорвать её, когда стягивал себя со штыря, так что в итоге получилась рана в три сантиметра шириной и около восьми длиной. Сначала Вилен хотел ограничиться повязкой, но теперь изменил решение. Нужно было зашивать. Хорошо, что опыт имелся. Первый раз он сам зашивал человека десять лет назад, в долбаном городе Грозном. Бойцу из его взвода осколком гранаты рассекло руку. Тогда в наличии оказались только обычная швейная игла и чёрные нитки. Иглу накалили на огне зажигалки и слегка согнули, получился хирургический инструмент образца «каменный век плюс». Зашил хреново, конечно, но парень вернулся в строй. А доктор, который его потом осматривал, сказал, что для полевых условий – очень даже неплохо, шрам останется, но девкам такие нравятся.

И вот теперь Вилен должен был проделать подобное ещё раз, уже на себе. Правда, с тех пор он кое-чему подучился. Когда устроился работать в НИИ экспериментальной физики, их всех с ходу начали гонять на различные курсы. Один из них вёл инструктор, ранее учивший выживать бойцов горного спецназа. Вилен узнал от него много полезного, их даже один раз забросили на неделю в тайгу. А тайга – это не подмосковный лес, и даже не чащоба в Центральной России. Из двадцати пяти участников только семеро дошли до конечного пункта маршрута. Так что Вилен втайне собой гордился.

Из бумажного конверта он извлёк иглу, продел в неё специальную саморассасывающуюся нить и взялся за «штопку». Боль оказалась не такой уж и сильной, помогла анестезия. Через десять минут он оценивающе посмотрел на рану – края стянуты друг к другу, довольно аккуратный стежок. Совсем неплохо! Быстро заклеил рану специальным пластырем с серебряной сеточкой, которая должна была помешать кровотечению и заражению. Финальный штрих – термобинт. Штука новая, специально для армии, такое в аптеке не купишь. Напоминает синтетическую ткань, скатанную как обычный бинт. Обматываешь рану, затем достаешь из упаковки маленькую кисточку, жмёшь на кнопку и, будто красишь, гладишь бинт, который слегка оплавляется и превращается в эластичную повязку, надёжно прилегающую к ране. Такая не размотается и не спадёт. В последнее время армия получила много подобных ноу-хау. Солдаты в шутку называли эти диковинки: «Всё для фронта! Всё для победы!»

Вилен встал и притопнул ногой. Обезболивающее будет действовать часов шесть, потом, конечно, рана снова заболит. Но на этот случай у Вилена в загашнике была пара таблеток из серии «умри, но сделай», их клепали для спецназа ГРУ ещё в начале восьмидесятых. Даже смертельно уставший, раненый, находящийся на грани смерти боец, приняв такую пилюлю, мог продержаться несколько дней и выполнять задачи наравне со здоровыми товарищами. Правда, лекарством эти таблетки не были. Они лишь продевали жизнь на короткий срок, давая закончить дела земные. Короче говоря, «волшебная пилюля» на экстренный случай, когда ситуация из «просто хреновой» переходит в статус «полное дерьмо».

Штаны пришлось замывать в открытой цистерне, в которую за долгие годы набралось огромное количество дождевой воды. Счетчик Гейгера, поднесённый к ней, молчал. Набрав воды в котелок, в котором позднее намеревался сварить суп-концентрат, Вилен на всякий случай бросил в него и несколько обеззараживающих таблеток. После чего приступил к стирке. Более или менее

качественно замыв кровь, Ильич быстро развёл костёр, развесив штаны на растяжке из жёсткой проволоки. Пока они сохли, поел горячего супа и даже выпил кофе. Ещё двадцать минут – и можно будет трогаться. О том, что случилось с ним в доме, Вилен старался не думать. Ещё он очень сильно надеялся, что не в меру шустрый Прыгун наконец допрыгался.

Спустя час одинокий человек с рюкзаком за спиной, ноутбуком в левой руке и пистолетом в правой шагал по железнодорожным путям в противоположную от Волоколамска сторону. До темноты нужно было убраться как можно дальше от города. Из-за раненой ноги скорость передвижения снизилась, рана горела огнём, но – терпимо. За световой день удалось преодолеть чуть больше половины пути. Дохромав до остановленного и разграбленного на взорванных путях состава, Вилен решил, что оставшуюся часть пройдёт завтра. Усталость нахлынула, словно цунами, смывая остатки сил и бодрости. Когда он вскарабкался в кабину паровоза, где у стены лежал труп железнодорожника, сил осталось лишь на то, чтобы закрыть дверь да кое-как её укрепить. Последние резервы организма ушли на то, чтобы поесть. После ужина сразу стало легче, но и только. Идти куда-то в ночь было бы абсурдной затеей, и Вилен решил остаться здесь.

До маяка, как показывал «шагомер», оставалось девятнадцать километров. Если поднапрячься, то к полудню он будет у «врат». А это значит, что уже следующим вечером его ждала нормальная постель, хороший ужин и горячая ванна. Нога болела. Вилен извлёк из маленького пакетика большую толстую таблетку обычного обезболивающего. Хоть ненадолго, но боль утихнет. Устроившись поудобней и положив под руку автомат, он быстро уснул.

Ночь прошла спокойно. Где-то недалеко бушевала гроза, но убежище Вилен она задела только краем. Спать под шум дождя Ильич любил и впервые за три дня отдохнул по-настоящему хорошо. Проснулся он бодрым и свежим. Пара галет с сосисочным фаршем, оставленным специально на утро, чашка кофе – и в путь. До горячей ванны ещё нужно было дойти.

Поляна была именно той, что нужно, он просто не мог ошибиться, да и навигатор подтверждал это. Вот только маяк, который он воткнул в землю, отсутствовал, и останки исследовательского дроида кто-то добрый тоже успел прибрать.

– Что делать? – спросил сам себя Вилен. И сам же себе ответил: – Ждать!

Рано или поздно Валера пошлёт сюда людей или дроидов, и они принесут маяк. Дроид даже лучше, он перехватит его у открывшихся ворот, запишет сообщение и зашвырнет обратно. И тогда ему переправят маяк. Вилен закурил, прислонившись спиной к шершавому стволу сосны напротив ворот. Посмотрел на часы. Путь сюда от поезда занял несколько больше времени, чем он рассчитывал. До контрольного открытия врат оставалось чуть больше часа. Чтобы не терять зря времени, Ильич произвёл ревизию рюкзака. Пластиковые папки из лаборатории, последний набор ИРП, футляр с подствольником, прицелом и глушителем для АЕК. Медицинский набор, вернее, теперь уже – часть его. Верёвка была потеряна в Волоколамске. Пять пачек сигарет – стратегический резерв, ещё две в разгрузке. Запасная зажигалка.

Вот и всё, чем он располагал.

Глава вторая

Брошенный

Врата засветились ровно в шесть часов вечера. Вилен вскочил с земли и, подхватив рюкзак, хотел было уже шагнуть к ним, но навстречу ему вылетел дроид, как заведённый повторявший одну и ту же фразу:

– Ильич, к «двери» не подходи. Подробности в послании, оно в дроиде. Вскрой контейнер для сбора образцов и проиграй сообщение.

После чего врата мгновенно погасли. Дроид послушно влетел в руки Вилены и замер.

– Фигасе... что же, пора выяснить, что тут у нас происходит, – сказал Ильич сам себе. Как всегда, вслух.

Вскрыв контейнер для сбора образцов, он извлёк на свет самый обычный айфон. Включив аппарат, Ильич обнаружил один двадцатиминутный видеофайл, который и включил незамедлительно. На экране появилось лицо Валеры. Очки-блюдца, волосы всклокочены, глаза красные от недосыпа.

– Здравствуй, Вилен. У нас чрезвычайные обстоятельства. Дело в том... чёрт, как бы это тебе... короче, Ильич: врата оказались односторонними. То есть не совсем так, но... самое важное, что тебе надо знать, – вернуться ты не сможешь. Такие дела, брат.

– Мать вашу!!! Ботаники недоделанные, уроды грёбанные! Прорвусь обратно, всем окуляры по карманам разложу!

Ещё минут пять Вилен ругался, выплёскивая накопившееся добро. Лишь слегка успокоившись и закулив сигарету, он вновь включил запись.

– Прости, Вилен, мы не знали. По какой-то причине врата не пропускают органические объекты. Выяснилось всё случайно. Вчера в результате грозы сгорел маяк. И сегодня утром я открыл проход, чтобы Толик, мой лаборант, ты знаешь его, высокий такой, поставил новый. Так вот, Толик прошёл через врата, разместил на поляне несколько камер, хотел было поставить маяк, а на него какой-то зверь бросился. Толик не боец, сам понимаешь. Он тут же обратно рванул. Тут-то всё и... того. Короче, его буквально испарило при переходе. К нам попала только его одежда и всякая мелочь, что в карманах была. В общем, ты к вратам не приближайся. Прости, я не знал, что так будет.

– Прости? – с усмешкой спросил Вилен у изображения. – Прости? Это всё, что ты можешь сказать?

– Я понимаю, слова бессмысленны и не помогут тебе, – словно услышав Вилену, произнёс Валера, – но больше мне сказать нечего. Мы придумаем, как вернуть тебя. Нагрузи этого дроида тем, что сумел найти, может, это прольет свет на данный феномен. Врата откроются в девятнадцать ноль-ноль. Ты запиши на этот айфон, чего тебе надо передать, что там необходимо для выживания, мы постараемся всё достать и перебросить в кратчайшее время. И... удачи тебе, Вилен.

На этом сообщение с родины заканчивалось.

– Твою же мать, – только и смог выдать из себя Ильич.

Его просто бросили здесь. Понятно, что они не могут забрать разведчика не потому, что им на него наплевать, а в силу объективных технических причин, но... кому от этого легче?

Он остался один, в непонятном и не слишком гостеприимном мире, среди мутировавших животных. Которые, к тому же, были не самыми страшными противниками. Одна мысль о Прыгуне и ему подобных наводила уныние. Сколько шансов у Вилен при повторной встрече с подобной тварью? Вопрос был риторическим...

Разведчик посмотрел на часы. До открытия врат оставалось двадцать минут.

Ильич быстро упаковал находки в пластиковый пакет, туда же сунул диск с разбившегося дроида, пуговицу-камеру и флеш-карту, где был зафиксирован весь его путь. После он подвесил пакет к дроиду на специальный зажим. На аналогичный зажим с другой стороны подцепил ноутбук, внутрь которого вложил бумажку с подобранным паролем. Навьюченный дROID теперь с трудом парил на высоте сантиметров сорока, ноутбук почти волочился по земле.

За оставшиеся десять минут Вилен надиктовал на айфон краткое сообщение: где был, что видел. И начитал довольно объёмный «список Робинзона», начиная с палатки и еды и заканчивая боеприпасами к оружию. Вскоре врата вновь засветились, проявилась яркая, переливающаяся всеми цветами радуги плёнка перехода. Загруженный трофеями дROID буквально вполз во врата.

– Ну вот ты и один, браво, – глядя, как исчезает мерцание перехода, произнёс вслух Вилен.

Сколько в этих словах было отчаяния и грусти. Один! Это было самое страшное. В том мире Вилен давно был одинок, дед-смершевец умер три года назад. И тоже – в одиночестве. Кроме внука, за его гробом шли несколько ветеранов-сослуживцев, несших немногие ордена, и больше никого. Бабушка умерла лет двадцать назад, при крушении поезда, с тех пор старик замкнулся в себе и всё время уделял рано осиротевшему внуку. Когда не стало деда, Вилен так ни с кем

по-настоящему не сблизился. Женщины приходили и уходили, надолго не задерживаясь, так что горевать по нему было некому. А теперь он остался совсем один, в чужом погибшем мире.

– Что же, возможно, придётся долго ждать, когда в следующий раз откроются ворота... если они вообще откроются. Значит, нужно позаботиться о себе, любимом. Когда все остальные ценности вне досягаемости, остаётся единственная ценность – твоя собственная жизнь.

Так, размышляя вслух, Вилен извлёк из ножен мачете и, слегка прихрамывая на раненую ногу, занялся рубкой ивняка, росшего неподалеку. Из него получится отличная крыша для шалаша.

Через три часа на краю полянки под раскидистой сосной, надёжно прикрывающей от дождей, стоял шалаш. Не слишком технологичное сооружение, зато – своё. Да и из чего здесь строить? Верёвок нормальных нет, гвоздей – тоже. Пришлось самому плести верёвки из волокнистых листьев камыша, который рос в километре от поляны, на маленьком болоте. Вышла, конечно, полная хрень, но какое-то время строение должно было продержаться. Если его не бросят, то вскоре у Вилены будет вполне приличная палатка. Ильич уже понял, что ему не вернуться, поэтому велел Валере снять с его банковских карт всю наличку и потратить согласно списку. А также забрать в рабочем шкафчике заполненный на его имя договор на квартиру, Ильич составил его несколько дней назад, когда узнал, что ему предстоит идти в эти долбанные ворота. Составил на всякий случай и вот оказался прав. Учёному, который ютился у тёщи с женой и двумя маленькими разбойниками, трёхкомнатные хоромы в сталинской высотке будут очень кстати. Пусть послужат хорошему человеку. Зачем Вилену дорогущая квартира, если он никогда не сможет ею воспользоваться? Да и родственников у парня не было. Дед жил во Владимире – небольшом областном городе в ста семидесяти километрах от Москвы. Квартира же досталась Ильичу от матери, дочери генерала. Вилен уже давно перебрался в столицу, дед с ним ехать отказался, оставшись в небольшой двухкомнатной «брежневке». Он почему-то не любил Москву, хотя и прожил там больше тридцати лет. «Свобода – это когда некому оплакивать твою смерть», – вспомнил Ильич высказывание одного из своих знакомых. С этой точки зрения, он был абсолютно свободен...

Забравшись в шалаш, Вилен глянул на горевший у входа костёр, возле которого грелась банка из последнего ИРП. Ещё одна осталась на завтра, а потом, видимо,

придётся охотиться, если Валера не поторопится. В шалаше было уютно, приятно пахло свежей травой, стенки из ветвей вполне прикрывали от ветра. Конечно, если будет ураган, подобный шалаш снесёт мгновенно, но от тихого ветерка он защищал вполне качественно. А крыша обеспечивала защиту сверху, что было очень даже кстати, учитывая небо, как-то разом затянувшееся низкими свинцовыми тучами.

К полуночи разразилась гроза, причём – Гроза – с большой буквы: шквальный ветер, который заставлял трещать и качаться вековые сосны, косой ливень, мгновенно прибивший высокую траву к земле. Сидя в сухом шалаше и в относительном тепле возле потрескивавшего валежником костерка, Вилен чувствовал себя в безопасности и комфорте. Подобное ощущение возникает, когда ты с непогоды вваливаешься домой. Вот только этот шалаш в лесу вовсе не его дом. Тогда почему же так хорошо?

И тут он понял: хорошо, потому что он – Дома. Давным-давно, в детстве, он зачитывался Стругацкими. А в юности – Хаббардом. И вот теперь он в своём собственном мире, один против целой неизведанной планеты, брошенной людьми. «Газпром – мечты сбываются», – вспомнилась вдруг дурацкая назойливая реклама. То желание, которое он загадал, будучи ещё мальчишкой, после прочтения «Трудно быть богом», сбылось.

Бойтесь своих желаний...

Гроза бушевала. Видимо, в лесу она всё же наделала бед. Несколько раз Вилен слышал, как падают вырванные с корнем деревья, и слегка опасался за свой шалашик, который могло унести одним порывом. Ему это, конечно, особыми неприятностями не грозило, но остаться без крыши над головой при подобной погоде не сильно хотелось.

Ночь прошла без происшествий, гроза утихомирилась только к утру, шалаш выстоял. Ещё не исчезли с небосклона звёзды, как Ильич проснулся от тишины. Смолкли порывы ветра, не трещали сосны, не лупил по веткам дождь. Выбравшись наружу, он вдохнул насыщенный озоном воздух. Было свежо, не больше пятнадцати градусов, но парка грела великолепно. Вилен любил камуфляж за приятное сочетание полезных качеств: удобный, прочный, и летом в нём не жарко, и зимой не холодно. Конечно, всё зависит от качества. Сейчас на

нём была «горка» от предприятия «Сплав», «камок», позволявший практически сливаться с местностью, особенно в зелёнке. Ткань пропитана водоотталкивающим составом, так что промочить её под дождём было довольно проблематично.

Вилен прикурил. Потихоньку тьма рассеивалась, дело явно шло к восходу. Июль подходил к концу, ночи становились длиннее, дни короче, дожди шли чаще. Случайно взглянув на звёздное небо, Вилен поначалу даже не понял, что именно видит. Закрыв глаз, потом открыл. Ох и ни фиги себе...

Оказывается, за четыре дня и три ночи пребывания в этом мире он ни разу не удосужился посмотреть на небо. Типа, а чего туда смотреть-то?

А небо-то было интересное. Чужое оно было. От слова «совсем». Он ещё раз моргнул. Звёзды яркие и очень близкие, и – ни одной из них Вилен не узнавал. НЕ БЫЛО здесь ни Полярной звезды, ни Большой и Малой Медведиц. Вообще ни одного знакомого созвездия.

Всё, что Ильич видел в этом мире до того, было вполне объяснимо и понятно. Лес, руины, мутанты. Типичный «постап», ничего выдающегося. Последние два дня парень пребывал в уверенности, что стараниями институтских «ботаников» его занесло в недалёкое будущее старушки Земли. И только теперь Вилен наконец осознал, как же он заблуждался...

Никакое это не будущее. И не Земля это была вовсе. Такой вот подарочек судьбы...

Хотя, если хорошенько вдуматься, – а что это меняло? Он ведь и раньше понимал, что находится чёрт знает где. Теперь же лишь добавилась уверенность, что уже никто и никогда не найдёт его могилы. Даже если она будет величиной с пирамиду Хеопса и обильно утыкана по периметру указателями.

А ведь были намёки-то, были. Когда он в газетных вырезках читал о многочисленных терактах, которые случились за несколько лет до катастрофы, то узнал лишь события одиннадцатого сентября. Нигде в них не упоминалась Аль-Каида, а в качестве главной угрозы фигурировали неизвестные ему «Дети пророка» во главе с каким-то Аль-Саади.

И о фанатиках организации «Новый мир», которые взорвали «грязные» бомбы, разведчик тоже никогда не слышал...

Вилен инстинктивно достал сигарету и прикурил. О том, что он дал себе зарок экономить курево, парень уже забыл. Докурив сигарету до самого фильтра, растоптал бычок каблуком берца.

То, что он останется здесь один, окончательно стало фактом.

В полдень Вилен доел последние остатки ИРП – банку сосисочного фарша, пару галет и кусок шоколадки. Однако он прекрасно помнил, что в километре отсюда видел поляну, на которой росли большие грибы, очень напоминавшие земные белые. Стоило прогуляться – мечтами о грядущей Валериной посылке сыт не будешь.

– Вернусь через час, – сказал он тому месту, где должны были открыться врата.

До грибного места было минут двадцать ходьбы, но Ильич всё решил сделать быстро. Несмотря на раненую ногу – пробежка до заветной поляны, пятнадцать минут, чтобы нарезать почти сотню огромных грибов, которые по виду были самыми настоящими белыми. Набив доверху рюкзак, он вернулся бегом обратно. Наломав сушняка, развёл костерок, почистил два десятка грибов. Сходил на родник, наполнил котелок вкусной прозрачной водой и быстро сварил белые. С чем проблем пока что не было, так это с перцем, солью и сахаром – в каждом ИРП было по девять пакетиков. Перец расходовался быстрее всего, потому как сахар Вилен не любил совсем, а соль употреблял от случая к случаю. Все приправы, что оставались после еды, он складывал в карман на рукаве, бойцы там обычно носят медпакет. Вот теперь и пригодились. Жаль, что, кроме воды и грибов, бросить в суп было совершенно нечего. Собравшись с мужеством, Вилен наколот гриб и, немного подув, остужая, закинул себе в рот. Ничего, вкусно. Сняв с огня котелок, он отставил его в сторону. Теперь нужно было подождать минимум семь часов. Если организм согласится с этим «предложением», можно будет съесть остальное. Хорошо, что пообедал недавно, на сытый живот ждать результатов этого пищевого эксперимента было куда как легче.

Время тянулось медленно, ничего не происходило, желудок спокойно переваривал пищу. Вилен глянул на часы – всё, можно было есть, почти шесть вечера. Если уж до этого момента не прихватило, значит, всё будет в порядке.

Взяв заранее приготовленные прутья, он нанизал на них вареные грибы, и вскоре грибной «шашлык» жарился над углями, изредка капая на них водой.

В шесть часов вечера врата не открылись.

Этому могло быть три объяснения: первое, и самое неприятное – на него просто решили плюнуть. Второе – Валера и его команда всё ещё обрабатывают переданные им данные и пока не поняли, о каком мире идёт речь. А потому бегают по коридорам НИИ с наскипидаренными задницами, и им сейчас не до него. И третье – что-то случилось в лаборатории, и проблема чисто техническая, а следовательно, решаемая.

О первом варианте Вилен даже думать не хотел, хотя он был самым вероятным. В духе времени, так сказать, и в духе системы. Подумаешь, попал один человек в западню, ну и что? В Чечне десятки пленных до сих пор сидят в зинданах и пашут на «чехов»... А тут – один. И наплевать на то, что он – начальник охраны. Нового назначат. И поровну всем на то, что Вилен Ульянов может подохнуть на чужой земле в полном одиночестве, без надежды на возвращение...

Неожиданно прямо перед носом Вилен заструилась радужная плёнка врат – единственная, и смертельная преграда между ним и обычной жизнью. Ну и чего ждать дальше? Из-за плёнки видимость была плохая, но Вилен легко разобрал разговор на повышенных тонах, который происходил в лаборатории. Кто-то с кем-то спорил, и один из голосов точно принадлежал Валере.

– Я этому приказу не подчинюсь! – наконец громко заявил ботаник. – Ваня, отправляй!

Послышался металлический лязг, и из врат выкатилась тележка, гружённая ящиками, свёртками и пакетами. С той стороны плёнки раздался мощный удар, затем ещё один. Били по металлу чем-то тяжёлым.

– Они ломают дверь, отключай, – раздался крик Валеры.

Снова грохот, металлический звук падения и чей-то незнакомый голос:

– Всем стоять!

Врата просуществовали ещё десяток секунд и – растаяли в воздухе. Всё было ясно как божий день...

Его бросили. Тележка с грузом – инициатива нескольких человек, готовых рискнуть ради него свободой и работой. И ещё одно понял разведчик – этот портал закрылся навсегда.

Вилен подбежал к тележке и быстро закатил её в шалаш, после чего вспомнил о «шашлыке» и метнулся к костру. Обошлось, грибы немного подсохли и поджарились, но выглядели вполне съедобными.

Ильич убрал с огня все десять прутиков, девять отложил в сторону, с десятого снял вкусно пахнущий дымом гриб и, закинув его в рот, пошёл к вещам, которыми в него буквально швырнули. Прямо поверх пакетов лежал уже знакомый айфон. Взяв его, Вилен запустил просмотр последнего сохранённого видеофайла. В кадре появилось лицо Валеры.

– Вилен, прости, но я уже ничего не могу сделать для тебя. То, что ты видишь, последний подарок от меня и нескольких наших сотрудников. Здесь всё, что мы успели собрать. Ваня сегодня с утра съездил в Москву и купил палатку, говорит, хорошая. Ребята из оружейки подкинули патронов, хотя с них за это головы снимут, сам знаешь. Там ещё вроде гранаты для подствольника, я не проверял. Десяток упаковок ИРП. Несколько комплектов одежды, туристический набор, пара больших банок с кофе и чаем, соль, сахар, спички, пять блоков сигарет. Это всё, что удалось собрать. Ещё там новый маяк, он специальный, закодированный. Код ты помнишь – твой день рождения. Может, когда всё успокоится, мы сможем наладить контакт. Активируй его, когда станет совсем трудно, я постараюсь помочь. Вызов с этого маяка придёт непосредственно мне. Да, там ещё радиостанция «Северок-К».

Эксперты всю ночь сидели над твоими записями. Оно и понятно, конец света на носу, они чуть под себя не ходили от страха. Пока не сообразили, что всё это – не про нас. В ноутбуке был интерактивный учебник истории. Почти все расхождения начались двадцать лет назад, короче, как рухнул Союз. Пока мы докопались до разгадки, время ушло.

В общем, ты – не в будущем. Это – зеркальный мир. Почти точная копия нашего, разница одна – место планеты в пространстве. И мы даже представить не можем, в какой она галактике. Прости нас, Вилен. Проект у меня забрали, и уже завтра установку демонтируют, её потребовали для себя военные. Теперь ты сам по себе. О тебе было решено просто забыть. Я протестовал, доказывал, что нужно продолжать эксперимент, но меня выкинули из кабинета «первого», как нашкодившего котёнка. Тогда я и понял, что они не станут выполнять твои требования. Прости, если сможешь. Прощай. И – удачи.

Вилен присел возле тележки, на которую ребята сложили всё, что успели собрать для него. Совершенно бесполезный теперь айфон упал на траву. Сил не осталось, их просто выкачали. «Паркетные генералы»... они предали его тогда, в Чечне, и повторили это снова. Наверное, правильно было бы заплакать, но он уже много лет назад позабыл, как это делается...

Дальше сидеть на поляне не имело смысла. Разобраться с вещами, что-то спрятать в схроне, придумать, как унести остальное, и – уходить из этого места. Здесь ему уже ничем не помогут.

Вилен подцепил очередной прутик с грибами и быстро приступил к ужину. Присланные Валерой ИРП надо было беречь. Правда, совершенно неясно, как одному утащить десять упаковок. Да, они лёгкие, но занимают много места. А ещё патроны, гранаты к подствольнику, палатка, одежда и прочая лабудень... Плюс маяк этот, штука небольшая, но полкило весит. Рюкзак у него здоровенный, армейский, для дальних рейдов, в нём запросто можно утащить половину добра, но хватит ли сил? Доев один прутик с грибами, он взялся за второй, потом за третий. В общем, пока размышлял над возникшей проблемой, всё и съел.

Инвентаризация прошла быстро. Два цинка с патронами, один цинк «вогов», семь пачек патронов к «Гюрзе». Два комплекта «горки», точно такие же, как сейчас был на нём. Правда, никто не догадался положить запасные ботинки. Рация? На хрена она ему, если её даже подзарядить негде? Пара больших банок с кофе, одна – с растворимым, другая с молотым. Две коробки с чаем, соль, сахар, спички, пять блоков сигарет, верёвка.

Баланс был подведён. Теперь самый насущный вопрос: как это унести? Вариант напрашивался один: взять под завязку боеприпасов, все ИРП связать верёвкой за ручки для переноски. Всё прочее, включая и рацию, – оставить здесь, обустроив надёжный схрон. Людей в этом мире, может, и нет, зато всякого мутировавшего зверья – более чем достаточно. Патронам, конечно, ничего не сделается, а вот всё прочее местная фауна испортить могла запросто.

Оставалось определиться с маршрутом. Больше всего Вилен сейчас жалел об атласе автомобильных дорог, который отправился через врата вместе с остальными документами. Сам по себе большой ценности атлас не представлял, но там были пометки о местах, в которых фанатики рванули бомбы. Ещё тогда Ильич подумал, что это очень нужная информация. Железная дорога, если идти уже знакомым путём, вела к Волоколамску и далее – к Москве. В противоположной стороне – Можайск и Тверь. Можно, конечно, было бы двинуть в Тулу. Идея выглядела заманчиво, но Тула – город достаточно большой и вполне мог стать мишенью для террористов. Судя по записям в найденном недавно дневнике, в Москве они взорвали сразу несколько бомб, столица была сильно разрушена, плюс – сильное заражение. Значит, были велики шансы встретить там тварей, подобных Прыгуну. Вилен покосился на автомат, который оказался совершенно бесполезен против стремительно телепортирующегося мутанта.

Нет, все эти прогулки по мёртвым городам до добра не доведут. Чем больше город, тем более он опасен. Самым мудрым решением было кратчайшим путём валить домой, туда, где всё знакомо, хоть он и не был там почти три года.

– Значит, Владимир, – подытожил Вилен вслух.

Никто не ответил, да и ответа, собственно говоря, не требовалось. Вилен ещё какое-то время молча смотрел на огонь. Шесть дней минуло с момента, когда он прошёл через врата, всего шесть дней, а кажется, что целая жизнь... До позавчерашнего вечера была надежда на возвращение, потом что-то произошло в лаборатории, и теперь он один на один с этим миром. И что делать дальше? Ну придёт он туда, куда собрался. Найдёт где жить и что есть. А дальше? Ему всего тридцать, велика опасность умереть молодым. Правда, она и по ту сторону врат всегда существовала. Одна война чего стоила. А ещё можно попасть под автобус или оказаться не в то время и не в том месте. А если он выживет? И при этом останется один? Прыгун говорил, что людей в этом мире больше нет. А что, если он не врал? Что тогда? В нормальных условиях даже у закоренелого одиночки всегда есть возможность отказаться от своего одиночества. Всё равно вокруг –

люди. И с женщиной можно познакомиться, с друзьями поговорить, на шашлыки съездить. А если ты – совсем один? Последний человек на Земле? Сколько там просидел Робинзон Крузо на своём острове? Двадцать с лишним лет? Да, но – ведь у него была надежда, надежда на спасение. А ему, Вилену, на что надеяться?

Мысли не радовали.

– Всё, хватит вопросами терзаться, нужно хорошенько выспаться, – сказал сам себе разведчик.

Подкинул дров в костёр, разведённый перед самым входом в палатку, и полез внутрь. Немецкий спальник, который нашёлся в одном пакете с палаткой, радовал. Видимо, Ваня прикупил его попутно. Знал, чертяка, что Вилен свой старый разорвал ещё год назад, когда они вместе ездили на Домбай.

– Спасибо вам, ребята, за всё, что вы сделали для меня, – тихо сказал он и застегнул молнию. Что ж, пора привыкать к звукам собственного голоса, раз уж в ближайшее время других собеседников не предвидится.

Однако на рассвете отправиться в путь не получилось. Всю ночь Ильич метался в бреду. Рана, которая вроде бы уже стала подживать, воспалилась. Теперь она горела огнём. Несколько раз Вилен проваливался в забытье, явно поднялась температура, верным признаком было то, что он нёс вслух полный бред. А утром начались уже откровенные глюки, почему-то он видел Игната Барского, который стоял над ним посреди развороченной взрывами городской улицы. Барин что-то настойчиво втолковывал ему, а Вилен всё никак не мог разобрать слов и орал:

– Барин, говори громче, я не слышу.

К середине дня его немного отпустило. Ильич выполз из палатки и, шатаясь, дошёл до небольшого куста метрах в пяти поодаль. Стараясь не упасть, Вилен кое-как справил нужду. С трудом удержав рвоту, доплёлся до палатки и начал возиться с костром. Нужно было приготовить еду, сиделок тут явно не дождёшься, а есть надо, иначе каюк. Грибы, которые он насобирав накануне, немного подвяли, но на этот случай у него имелся котелок. Проблема заключалась в том, что родник находился в сорока шагах от него. Оставаться

без воды, слив её в «суп», в его состоянии было бы совсем неразумно. Вилен огляделся и увидел тонкое деревце, прямо-таки созданное природой для того, чтобы стать костылем. Четыре удара увесистым мачете – и дело сделано. Правда, при каждом замахе парень едва не терял сознание, но справился. Опираясь на костыль и считая шаги, Ильич похромал к овражку, в котором бил родник. Дорого далась ему эта прогулка, он постоянно останавливался, пережидая приступы головокружения, и снова упрямо двигался вперед. Когда Вилен остановился на краю оврага глубиной не больше метра, то едва не заплакал от счастья. Парень стал спускаться по довольно пологому склону, и тут раненая нога подвернулась. Ильич рухнул вниз.

Очнулся он от холода. «Горка» на нём насквозь промокла. Сколько он так пролежал, было неясно, солнце терялось где-то в кронах деревьев, а в лесу стало заметно темнее. Оказалось, что он почти полностью лежит в воде, только голова оставалась на земле. Упал бы иначе, скорее всего, в бессознательном состоянии просто захлебнулся бы. Повезло. Был и ещё один плюс: в голове прояснилось, да и жар вроде бы спал. Вилен, скрипя зубами, поднялся на ноги и, зачерпнув немного воды котелком, кинул туда таблетку быстрорастворимого аспирина. Едва та прекратила шипеть, залпом выпил лекарство, вымыл котелок и, набрав воды, тронулся в обратный путь.

Когда возле палатки уже горел костёр и варился «суп» из грибов, на лес опустились сумерки. Обработав рану, Вилен пришёл к выводу, что всё не так уж и плохо, но вот о дальнейшей дороге и речи не было. Поев, он забрался в палатку и уснул, уснул нормально, без кошмаров и сновидений.

Так прошло ещё четыре дня. Видимо, он всё-таки сильно простудился, но самолечение и сила воли сделали своё дело. Аптечка значительно полегчала, но и Вилен теперь был относительно здоров.

– Завтра в путь, – обливаясь из котелка ледяной родниковой водой и с наслаждением смывая с тела пот и грязь, пообещал он сам себе.

На пятый день, едва над лесом поднялось солнце, парень быстро поел и, закинув рюкзак за спину, двинулся к железке. Ещё накануне Вилен упаковал всё, что возможно, стараясь распределять вес разумно. Пришлось оставить большую часть боеприпасов, и это было досадно. С другой стороны – да и хрен с ними, на

всю жизнь не напасёшься.

Вилен давно запретил себе размышлять над великим множеством вопросов, связанных с его собственным будущим. Он просто шагал. Тяжеленный рюкзак оттягивал плечи, но деваться некуда, надо было тащить, без оружия и еды он долго не протянет. У лесного родника наполнил флягу и сразу же вдоволь напился. Ещё неизвестно, попадётся ли вода возле заброшенной железнодорожной насыпи. Много с собой не унесёшь, фляга всего на литр, а котелок для этого не годился совсем. Когда он шагал к Волоколамску, никаких родников не видел, но тогда это не было проблемой, которой стоило забивать себе голову. Раз есть деревья, значит, и вода найдётся. Просто придётся свернуть в лес, и проблема будет решена уже очень скоро. Через два часа Вилен вышел к железке, перекурил, отдыхая. И, слегка прихрамывая, двинулся в сторону Москвы, напевая вслух:

– А я по шпалам, опять по шпалам, иду домой по привычке...

Глава третья

Путь

Что такое путь? Не жизненный путь – это уж слишком глобально и может завести мысли чёрт знает куда. Обычное перемещение из пункта А в пункт Б. Каждый может подтвердить, что такая дорога всегда насыщена событиями. Например, человек едет на поезде. В его купе – совершенно незнакомые люди, но уже вскоре они начинают общаться, сходятся в чём-то общем или, наоборот, спорят о чём-то совсем разном для них. Проводник ходит по купе и предлагает чай – это ведь тоже событие, не бог весть какое, но событие. Встреча в задымлённом тамбуре, ссора в вагоне-ресторане, соблазнение попутчиц – всё это насыщает процесс перемещения в пространстве, делая его интересным и запоминающимся. А ведь это только часть пути, на котором может случиться множество других событий, обыденных и экстраординарных.

Путь Вилена из пункта А в пункт Б был скучен. Пустой, умерший мир. Ночные хищники, боящиеся огня и при этом не опасющиеся человека с автоматом, что говорило о том, что они никогда не видели подобного оружия. Брошенные города и деревни навевали тоску, в такие моменты хотелось найти цистерну спирта и поселиться в палатке рядом с ней. Вилен всё чаще разговаривал сам с собой, правда, пока он ещё замечал это за собой. Вот, когда подобные монологи станут нормой, его уже точно нельзя будет назвать нормальным человеком.

Первую ночь он провёл в разграбленном вагоне подорванного поезда. Палатку разбирать не стал, крыша вагона хоть и прохудилась, но ещё могла послужить защитой. Ильич развёл костёр в дырявом ведре, которое установил на два кирпича, непонятно зачем лежавших в вагоне. На ночь закрыл дверь, оставив небольшую щёлку. Спальник был великолепен – не кровать, конечно, но и спину с утра не ломит.

Волоколамск он миновал в полдень, лишь бросив быстрый взгляд на город, от которого на память останется заметный шрам на ноге. Кстати, он почти не беспокоил, за неделю рана хорошо поджила. Ильич раз в день делал перевязку, всё больше убеждаясь, что никаких серьёзных последствий это ранение иметь не будет.

К вечеру шестого дня пути он вышел к Москве. Там, где железная дорога пересекала МКАД, он с неё сошёл. Теперь нужно было пройти чуть больше пятидесяти километров по окружной и выйти на шоссе Энтузиастов. Дальше – прямая дорога на Владимир. Можно было, конечно, сделать «финт ушами» и пройти Москву насквозь, существенно сократив путь, но... уж слишком коротким он мог оказаться. Знаний о новом мире хватало, чтобы понять – далеко не всегда самый короткий путь ведёт к цели. Здесь он чаще всего вёл в могилу.

Как и в сказке, вариантов опять было два: направо, в обход почти всей Москвы, и налево. Эта дорога была существенно короче, но Вилену очень не нравилась красная дымка прямо над Химками, которая тянулась в сторону Москвы, перерезая дорогу. Чутьё разведчика твердило ему, используя истерические нотки: «Туда нельзя, там смерть!» Подумав, Ильич решил: лучше потерять день, чем потерять жизнь.

Вилен смотрел на заходящее солнце, огромное, кроваво-красное. Казалось, что руины города кровоточат. Картина свершившегося апокалипсиса раскинулась перед ним во всей своей красе и беспощадности: опрокинутые взрывной волной

дома – видимо, они так и падали от центра к краю, словно домино. Брошенные автомобили, некоторые искорёжены до неузнаваемости, и в них до сих пор, вцепившись в руль, сидели скелеты, безмолвные свидетели трагедии, случившейся тридцать лет назад. Пройдёт ещё лет сто, и природа скроет эти уродливые шрамы истории. Руины зарастут травой, частично уйдя под землю, и не останется даже следа от одного из самых больших городов, построенных людьми.

Вилен усмехнулся. Этот город он никогда не любил. Возможно, раньше он был прекрасен, и в нём жили хорошие люди, но – за последние двадцать лет всё изменилось. Город стал мерзкой пиявкой, сосущей кровь из остальной страны. Чувства жителей причудливо смешивались в шейкере мегаполиса, выдавая уникальный коктейль из ненависти, цинизма, жажды наживы, жестокости и равнодушия. Современный Содом. Как там говорил один из древнеримских сенаторов – «Карфаген должен быть разрушен»?

И вот теперь город был разрушен. Отчего-то Вилен испытывал дикий восторг, совершенно необъяснимый, захлестнувший его целиком, словно он сделал это всё сам, своими руками. Преданный чиновниками и генералами человек стоял на остатках развалившейся дорожной развязки, любясь полотном великого художника, кисть которого одним мазком превратила суету мирскую в покой и запустение. Исчезла из души боль, и наступила гармония.

Вилен поправил рюкзак – он жутко устал за последние часы дороги. Груз за спиной с каждой минутой становился тяжелее, ноги, натруженные переходом, гудели.

– Нужно немедленно найти место для отдыха, – сказал Вилен шепотом, страхась разбудить руины.

В глубине квартала раздался крик, заставивший Ильича вздрогнуть. Крик не был человеческим. И птицы так не кричат, и звери... Вилен присел за насквозь проржавевшим остовом микроавтобуса. За четыре дня дороги ему дважды пришлось отбиваться от крыс размером с больших толстых котов, килограммов по десять весом. Один раз напали птицы, видимо вороны. Правда, теперь эти вороны были одного размера с аистом. Огромные, чёрные, с длинным, немного загнутым клювом, которым очень удобно пробивать различные предметы, включая человеческую голову. Стая оказалась небольшой – пять птиц. Они устроили настоящую воздушную карусель, словно немецкие «Ю-87». Стая

некоторое время кружила над Виленом, затем одна из птиц стремительно пикировала, а следом шли остальные. Безоружный человек был бы обречён. Несмотря на свои размеры, птицы оказались стремительными и вёрткими. Первую атаку Вилен проморгал, он был просто не знаком с подобной тактикой. Спасло лишь то, что парень услышал за спиной хлопанье крыльев и упал на землю, пропуская атакующих над собой. А вот второй заход закончился для стаи плохо. Спикировать-то птицы спикировали, но вышли из этого пике только две из них. Вилен, упав на колено, дал пару длинных очередей, и трое «аистов» рухнули вниз. Пара оставшихся свечой взмыла в темнеющее небо и стремительно унеслась прочь, крича, словно чайки.

Птички оказались очень занимательными: их перья были не совсем перьями. Ильич раньше увлекался охотой и мог поспорить на что угодно, что нормальные птицы «такого не носят». Во-первых, он порезался, пытаясь выдернуть перо, пришлось лезть в рюкзак за перчатками. Выдернув одно из перьев длиной около тридцати сантиметров и внимательно осмотрев добычу, он пришёл к выводу, что ничего привычного в этом пере не осталось. Бородки были твёрдыми и острыми, как бритва, и более всего напоминали какое-то синтетическое вещество. При этом перо прекрасно гнулось. Вилен ради интереса даже попробовал срезать им тоненькую веточку с куста, росшего прямо из железнодорожного полотна. Получилось даже легче, чем ножом. Глядя на срезанную ветку, он инстинктивно провёл рукой по шее. Теперь тактика летающих «штурмовиков» была ясна: либо пробить голову жертвы клювом, либо просто срезать её к чертовой матери гигантской бритвой.

Вилен снова выглянул из-за микроавтобуса. В небе и на земле – ничего подозрительного. Но уже минут десять у разведчика было стойкое ощущение, что за ним наблюдают. Ильич гордился своей способностью чувствовать взгляды и различать их. Полезная способность – скольких девушек он соблазнил, поймав брошенный на него в автобусе заинтересованный взгляд. Но лучше всего ценность этого дара ощущалась именно в моменты опасности, как сейчас. Он был готов ручаться, что неизвестный наблюдатель потерял его из вида и теперь усиленно ищет. За время, проведённое в этом мире, Вилен пришёл к одному выводу – человек здесь не царь природы, а пища. Добыча. Да, большая, опасная, но всё-таки – добыча, а значит, нужно покрепче сжимать в руках автомат и держаться от обитателей этого мира подальше.

Перебежками, от одной искореженной груды штампованного железа к другой, он стал уходить в сторону намеченного ранее маршрута. МКАД за десятки лет,

прошедших с последнего ремонта, заросла высокой травой. Асфальта почти не осталось, что было только на руку, дёрн хорошо маскировал передвижения человека, иначе бы его легко обнаружили по гулкому звуку ударов подошв об асфальт. Рюкзак после каждого броска становился всё тяжелее. Шутка ли, почти шестьдесят килограммов за плечами? Добегая до очередного укрытия, Вилен останавливался на минуту, приводя хриплое дыхание в порядок, и неся дальше, ища место понадежнее.

Примерно через километр он остановился. Чужой взгляд пропал, чувство опасности ушло. Но оставаться и тем более ночевать рядом с мёртвым городом, который, как оказалось, очень даже живой, было смертельно опасно. А двигаться ночью по окружной дороге – ещё опаснее. Теперь оставалось решить, что выбрать: забиться в какую-нибудь дыру, где его запросто зажмут, а потом сожрут, или же – красться в потёмках в сторону нижегородской трассы. В отдыхе Вилен нуждался отчаянно, он уже пожалел о том, что не остановился километрах в десяти от Москвы, в глухом лесу. Тогда желание увидеть бывшую столицу перевесило. Это оказалось ошибкой. Теперь её уже не исправишь. В этот раз нужно было принять правильное решение. Ошибка может стать для него роковой.

«Блин, как же неудачно всё вышло... слева Москва, справа какой-то микрорайон, частично скрытый лесополосой. А что, если туда? Конечно, это не лес, но ширина посадок – не меньше двух километров. Можно подыскать вполне приличное укрытие в каком-нибудь буреломе. Правда, придётся обойтись без огня, но – жизнь дороже».

Решившись, Вилен пролез в дыру металлического забора и, с трудом сохраняя равновесие, спустился по насыпи, густо заросшей травой. Забор больше трёх метров высотой был первым плюсом. Он и пятиметровая насыпь надежно прикрыли странника со стороны Москвы. Придорожный перелесок, бывший раньше чахлым и загаженным, за прошедшие годы сильно изменился. Густые кусты и деревья, высокая трава, отсутствие троп – всё на руку. Вилен забрался поглубже в лесок и устроился в небольшой песчаной яме, оставшейся от вывороченной с корнями сосны. Сверху нависали корни с остатками земли, а спереди рос густой куст, названия которого Вилен просто не знал. Укрытие было неглубоким, всего метра полтора-два, но и так просто на него не наткнёшься. А для тех, кто может начать его искать, Ильич подготовит достойную встречу.

Растяжки Вилен ставить не стал, толку от них? Зверь переступит, если, конечно, он не относится к баранам. Мутант – обойдет. Разведчик хорошо запомнил Прыгуна, который попал в дом, не сорвав ни единой растяжки.

С помощью мачете парень быстро вырубил в песке небольшую нишу. Небо подозрительно заволокло тучами, дождь мог начаться в любой момент, а сидеть в яме, полной воды, не было никакого желания. Справившись с этим, он зажёл динамо-фонарь, подкачав заряд, и, пристроив его поудобней, доел начатый утром ИРП. Каша «Славянская» с тушёной свининой оказалась очень вкусной. Правда, Вилен пошёл на риск: вырубив в глине небольшую нишу, он слегка подогрел банку на автономном разогревателе. После каши с удовольствием схрустел пару военных хлебцев, намазанных шоколадной пастой, и запил всё это чаем. Удовольствие от горячей еды граничило с блаженством.

Ильич ни на секунду не забывал, где находится. АЕК лежал рядом, предохранитель снят. Для человека приготовление Виленом пищи, скорее всего, осталось бы незамеченным, а вот зверь... Этот почует запах слегка подогретой каши за километр. Ветер усиливался. Ильич выглянул из своей маленькой пещерки. То, что ещё час назад было «слегка портящейся погодой», теперь становилось предвестием настоящего урагана. Могучие сосны под напором ветра трещали и стонали, резким порывом в лицо Вилену швырнуло хорошую порцию песка. Ильич несколько минут боролся с последствиями, выплевывая песчинки и пытаясь промыть глаз (второй-то и так искусственный, ему песок не повредит). К палатке прилагался небольшой кусок специальной водонепроницаемой ткани. Вилен быстро укрепил его на корнях сосны, вышел импровизированный полог. Что же, эту ночь он сможет провести с относительным комфортом. А начинающаяся буря убержёт его от нежеланных гостей. Сегодня всё зверьё в округе попрячется, а значит, можно будет спокойно поспать. Вот только спать придётся сидя, но тут уж ничего не поделаешь.

– Спокойной ночи, Вилен, – пожелал он сам себе и забрался в спальник.

В этот момент первые капли упали на землю, а спустя минуту сверху обрушился самый настоящий водопад. Вилен мысленно аплодировал себе – накрыть яму оказалось хорошей идеей, иначе его могло просто затопить. Он даже позволил себе выкурить сигарету, ничуть не опасаясь, что дым вырвется наружу.

Вилен проснулся на рассвете. Ему уже не нужен был будильник, за последние дни он стал автоматически просыпаться, стоило только солнцу показаться над горизонтом. Правда, сегодня рассвет можно было считать условностью – всё небо было затянуто тяжёлыми чёрными тучами, без единого просвета, а холодный северный шквалистый ветер пронизывал до костей. Как бы ни хотелось оставаться в тепле и нос на улицу не высовывать, а пришлось, в туалет ходить надо, и лучше это делать не возле того места, где обитаешь. Тем более если всё твоё «обиталище» общей площадью меньше трёх квадратных метров.

Сделав дело, Вилен с радостью нырнул обратно в свой грот. О том, чтобы продолжить путь, и речи не шло. Он сильно жалел, что устроился в лесу, а не где-нибудь в подвале отдельно стоящего дома. Где можно было бы вытянуть ноги, разжечь нормальный костёр, приготовить грибы, которые он собирал по пути, сварить морс из черники, на которую наткнулся прямо на обочине шоссе, не доходя километра до мегаполиса. Полчаса на карачках – и полкило ягод в пакете. Кому рассказать, не поверят: он собирал чернику в километре от Москвы. Ни один москвич, находясь в здравом уме, не польстился бы на подобные «дары природы», но выглядели эти ягоды вполне съедобно, разве что были немного крупнее обычных. Теперь оставалось сварить компот из черники и диких яблок, зелёных и кислых. Что за хрень из всего этого выйдет, неясно, но поэкспериментировать стоило, всё равно заняться было нечем.

Вилен влез в пластиковый дождевик, который «смародёрил» в одном из туристических магазинов Красногорска. Там же он прихватил и две литровые фляжки с хорошим креплением, сразу разместив их на рюкзаке. Взяв одну флягу, котелок, мачете и пакет с ягодами и яблоками, парень вылез наружу. Ливень сошёл на нет, изрядно подмочив лес, но нижние лапы ёлок вполне годились для костра. Вилен наломал сушняка и, удобно устроившись под развесистой старой елью, принялся за приготовление компота. Вокруг моросил дождик, от костра шёл легкий дымок, тепло огня согревало ноги. В этот момент Вилен затосковал по гитаре, захотелось чего-то эдакого, для души. Когда-то он недурно играл, даже участвовал в концерте в честь приезда министра обороны, вдруг решившего посетить их часть. Так сказать, окинуть хозяйским взглядом свою вотчину.

Кроме как с самим собой, разговаривать Вилену было не с кем, и тогда он начал вспоминать всё подряд. Тридцать лет за плечами, есть что вспомнить.

С чего всё началось? Наверное, с отца, его фотографии, на которой он в пыльной «афганке» сидит на БТР, в руках – АКМС. Это было его последнее фото. Спустя четыре часа БТР подорвался на фугасе, а Сергей Ульянов был захвачен в плен и казнён. Одному из солдат, бывших тогда с ним, удалось бежать, и спустя пятнадцать лет он рассказал Вилену о гибели отца. Как его обезглавили, насадив потом голову на кол прямо перед сараем, где держали пленных....

– Твой отец не был трусом и не молил о пощаде. Он мог купить себе жизнь, указав на одного из нас, но он предпочёл умереть сам. Даже «духи» его уважали.

Уже прощаясь, этот мужчина в дорогом костюме, один из председателей Общества ветеранов Афганистана, тихо сказал:

– Своей жизнью я обязан ему. Я помню свой долг.

Вилен тогда не обратил внимания на эти слова, но, когда этот человек появился спустя пять лет на пороге его дома, отправил на лечение в Германию, а потом за счёт фонда сделал ему протез глаза – тогда Ильич понял, что долг не забыт. Вилен очень гордился отцом, хотя никогда его не видел. Фотография и перочинный нож – единственная память о нём.

Да, пожалуй, всё началось с карточки. Мама говорила, что более смелого и самоотверженного человека на свете просто не встречала. Он был высоким, смугловатым и всегда хотел помочь всем и каждому. Это его и сгубило, о себе он заботился меньше, чем о своих солдатах, во всяком случае, так говорила мама. Наверное, из-за той фотографии Вилен и захотел стать настоящим военным. Во дворе он играл в «войнушку» с другими мальчишками, но те – играли, а он уже начинал жить этим. И проигрыш воспринимал как смерть. Наверное, поэтому он никогда не проигрывал.

Потом была армия... Армия. С мечтой о военной романтике Вилен распрощался уже на следующий день после «учебки». Едва он переступил порог казармы, как тут же ввязался в драку. Четверо «дедов» лупили невысокого щуплого парня, но и тот оказался крепким орешком. Летел на пол, снова поднимался и, низко опустив голову, размазывая кровь по лицу, сжав кулаки, продолжал бой. Снова отправлялся на пол и снова вставал. Это было достойно уважения. Вилен ринулся в свару, не раздумывая. Высокий, крепкий, с хорошей физической

подготовкой и навыками рукопашного боя, он быстро расшвырял «дедов». Пока те отвлеклись на неожиданного помощника, щуплый парнишка снова встал и, перехватив за ножку табурет, с силой опустил на бритый затылок сержанта. Тот рухнул мгновенно, словно не по голове, а по ногам ударили. Драчунов растащили. Вилен и парень, который назвался Юрой, оказались на губе. «Деды» – в больнице. Это был последний случай «дедовщины» в третьей роте, да и в остальных ротах она пошла на убыль. А Вилен попал на заметку к капитану Сорокину, командиру разведроты. Сильного, крепкого парня перевели к разведчикам. Ещё через два месяца он уже был в Чечне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/kirill-sharapov/mertvyuy-mir-poselenec>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)